

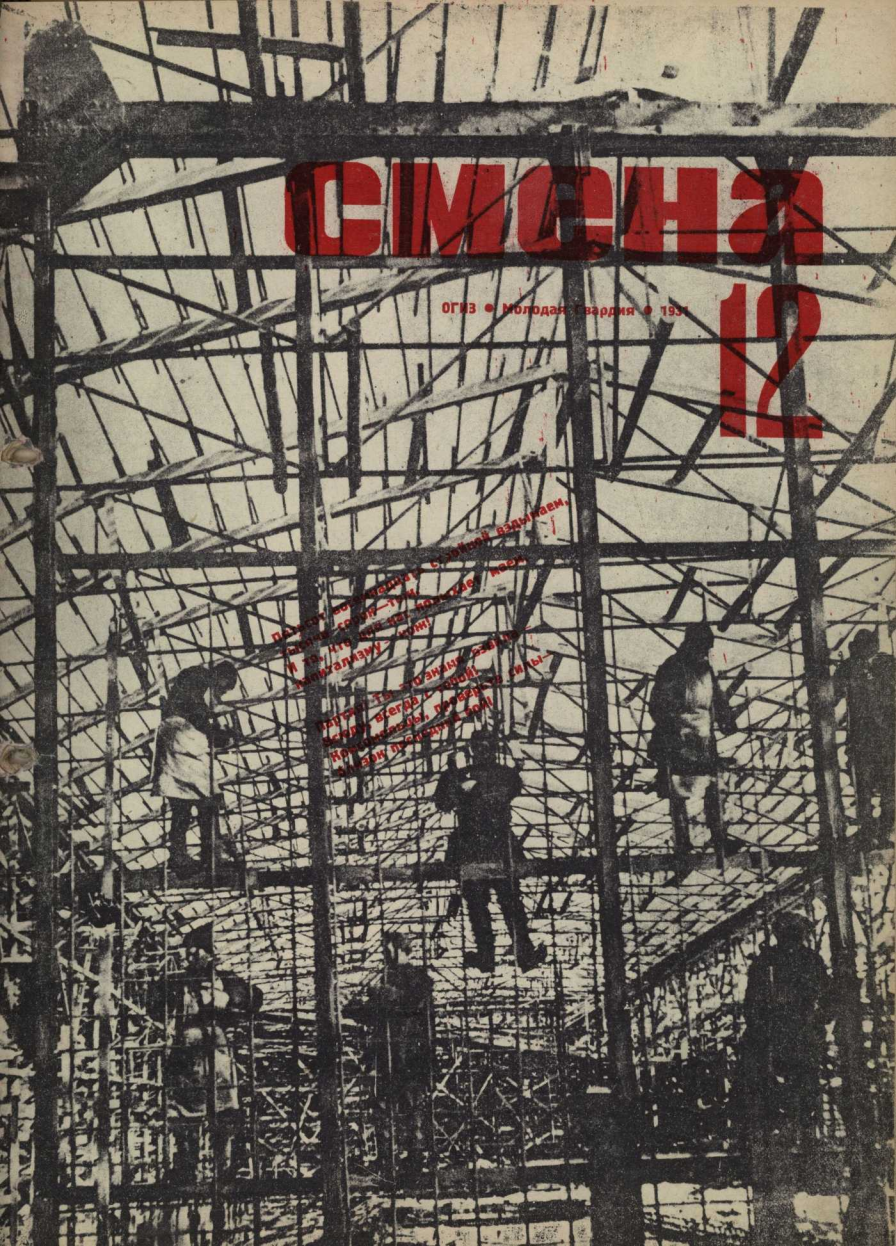
СИМЕНА

ОГВЗ • Молодая гвардия • 1931

12

Помните, товарищам! С нашей задачей,
каждый должен — труд
и так, как вы знаете, как вы,
молодежь — сами!

Помните, что это здание — здание
будущего, будущего — страны!
Кто не работает, не работает — он не
работает — он не работает — он не!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена 12

30 апреля 1931 года

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦИ и ИМ ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ответственный редактор С. КИМРАД

Заведующий редакцией М. ЮНПРОФ

Адрес редакции: Москва, Центр, Б. Чернышевский, 6. т. 6-67-03

да здравствует май пятистот восемнадцати! да здравствует май тысячи сорока!

Товарищи!
Слышите, свистят паровые.
Землю будоражит солнца линза,
сегодня впервые,
празднуем впервые
Май социализма.
Рот оладонь, кричу всем нациям,
знаменем вьется строка:
да здравствует Май
пятистот восемнадцати,
да здравствует Май
тысячи сорока.
Эти цифры взметни басом

позтов, музыкантов общий стан—
это растет гранитная база
социалистического общества.
Океаны качают наши границы,
над ними, кончая кровавый рейс,
под тяжестью пушек кренится
капитализма броненый крейсер.
В бортах у него кровоточат пробойны,
Но пушки на нас направляются снова.
Матросы,
летчики,
красные воины,
вы готовы?

Высокой плотину Днепростроя,
током, расчланивающим провода,
пятьсот восемнадцатую новых строен
страна отвечает
— Да!
— Да!— отвечает, кайло поднимая,
забойщик из Рура, взметнув
над собою
партийное знамя Первого Мая,—
рабочий
готов
к бою.

К. Митрейкин

За советский союз

Владимир Мюнценберг

Первого мая, когда в Брюсселе, Париже, Лондоне, Нью-Йорке и других городах капиталистических стран миллионы рабочих будут демонстрировать свою боевую готовность; когда в Бухаресте, Софии, Будапеште, Варшаве, Риге, Шанхае и Берлине революционное ядро готовых к борьбе рабочих масс будет демонстрировать на улицах против фашизма и белого террора, защищая своим телом красные знамена от пулеметов и броневиков полиции, — улицы Владивостока, Архангельска, Одессы, Харькова, Ленинграда и Москвы будут дрожать под уверенными шагами прайдицно одетых советских рабочих масс, свободно торжествующих в этот день.

История 1-го мая отражает историю революционных классовых боев и развитие рабочего движения, начиная с 1889 года. 1-е мая 1931 года покажет всем, даже наиболее принитивно-мыслящим, колоссальные противоречия между капиталистическим и советским миром — покажет четко и выпукло, как в увеличительном стекле.

В капиталистическом мире — продолжение, а частично и обострение экономического кризиса, усиленные попытки буржуазных правительств и государственного аппарата подавить, средствами фашистского террора, растущее возмущение безработных, промышленных рабочих, служащих, доведенных до полного отчаяния мелкобуржуазных и крестьянских масс. Наряду с этим — ускорение темпа радикализации широких народных масс; революционное движение, растущее, как лавина; мощное организационное закрепление и рост компартии и их массовых организаций; рост революционной и боевой готовности широких рабочих слоев.

В СССР — осуществление пятилетки в 4 года; коллективизация сельского хозяйства; подъем мощной промышленности на социалистической основе, вовлекающей миллионы новых рабочих; экономическое укрепление и решающие успехи на идеологическом и культурном фронтах под руководством большевистской партии с ее вождем Сталиным.

Демонстрации миллионов рабочих капиталистических стран 1-го мая 1931 года явятся не только боевыми демонстрациями против

капиталистического врага в собственной стране, но, в то же время, манифестациями солидарности с первой рабоче-крестьянской республикой — СССР. Миллионы рабочих, служащих, крестьян, мелкой буржуазии, интеллигентов признали, что судьба их неразрывно связана с судьбой Советской республики; они знают, что для того, чтобы поглотить капитализм и социализм восторжествовала во всем мире, необходимо, чтобы жила и развивалась советская республика.

Строительство тяжелой индустрии в Советском союзе, осуществление пятилетки — один из жесточайших ударов, который нанесет история мировому капитализму. Конечная победа пролетарской революции обусловливается теперь не только ростом внутренних противоречий капиталистического общества, но и в еще большей степени — фактом существования и развития социалистического общества на шестой части земного шара.

Крупная буржуазия и империализм трепещут от ужаса при мысли о выполнении пятилетки. Они знают, что каждый день, приближающий Советский союз к окончательному выполнению пятилетки, приближает и сроки гибели капиталистического мира.

Пятилетка доказывает, что социалистические методы производства несравненно превосходят капиталистическую систему хозяйства; она указывает угнетенным народам Индии, Китая, колоний и всех капиталистических стран тот единственный выход, который для них существует — путь пролетарской революции, указанный Марксом и Лениным.

Осознав, что пролетарская революция — единственное их спасение, миллионы пролетариев и трудящихся всего мира 1-го мая 1931 года будут демонстрировать под боевыми знаменами Коммунистического Интернационала:

против социальной и культурной реакции,
против белого террора,
против фашизма,
за пролетарскую революцию,
за Коммунистический Интернационал,
за социалистический Союз Советов!

Боевой

перво

майский

большевистский

привет!

СЕГОДНЯ,

В ДЕНЬ

ПРОЛЕТАРСКОЙ

СОЛИДАРНОСТИ

И ВТОРОЙ

ГОДОВЩИНЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО

СОРЕВНОВАНИЯ

И УДАРНИЧЕСТВА

ТОВАРИЩАМ В СТРАНАХ КАПИТАЛА,
ГОТОВЯЩИМ СИЛЫ И ПОСЛЕДНЕМУ БОЮ.

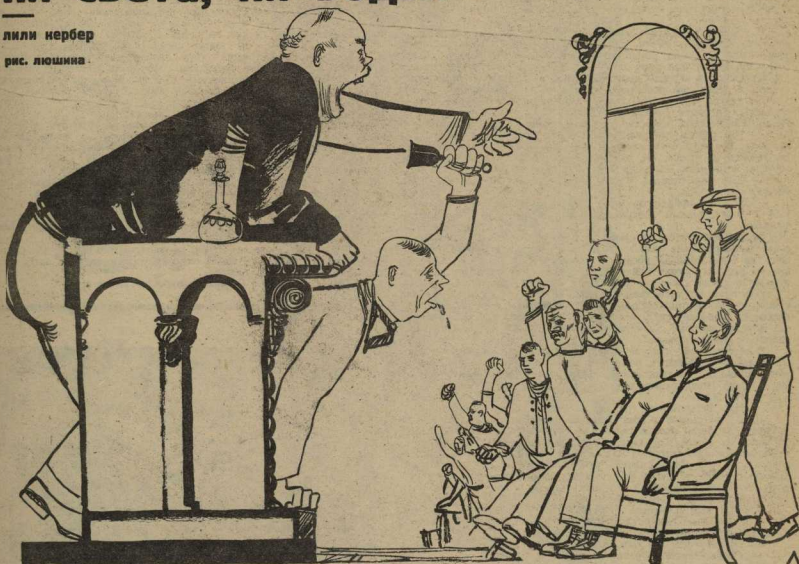
УДАРНЫМ БРИГАДАМ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
ОГНЕМ СОРЕВНОВАНИЯ И УДАРНИЧЕСТВА,
ПЯТИЛЕТКОЙ В ЧЕТЫРЕ, В ТРИ, В 2½ ГОДА
ПОДЖИГАЮЩИМ МИР КРИЗИСОВ И ВОЙН.

ВСЕМ
В КОМ МОЛОДОСТЬ И БОДРОСТЬ ИЛЛЮССА
СПЛЕЛАСЬ С МОЛОДОСТЬЮ И БОДРОСТЬЮ ЛЕТ.

НИ СВЕТА, НИ ВОДЫ!

лили нербер

рис. Люшина

Служащие и рабочие электрической станции Нены II, присутствовавшие на пленарном собрании, были очень изумлены, когда вдруг при вопросе председателя, товарища Бинека: «кто желает слова?» поднялась широкая красная ладонь Франца Броннигера. Его знали как крепкого, добродушного парня, хорошего физкультурника, но отсюда не как оратора. И теперь он не знал, как начать дело, сунул руки в карман, вынул их, скватился за спинку стоящего переди него стула, сказал его так, что жины издунисы у него на руках, откашлялся и наконец заговорил:

— Так вот, я должен передать вам привет от рабочих электрической станции в Москве, у которых я гостил с группой футболистов. И они желат сказать вам, чтобы мы на них не шли, если будет война, а держали их сторону. И они вам кланяются.

Сказал и сел со вздохом облегченна. Где-то в углу послышалась рукоплесканиа, но сейчас же оборвалася. Настало мучительное молчане.

— Товарищи! Из слов товарища Броннигера мы узнали, что он был членом рабочей делегации в СССР. Участие в делегации в Советский союз запрещено Амстердамским интернационалом. Кто, невзирая на это, едет туда, тот сам себя ставит вне профсоюза. Я поставлю вопрос об исключении товарища Броннигера.

Несколько секунд царил глубокая тишина. Затем поднялась буря.

— Как? Исключить его за то, что он был в Советской союз! Нам всем хотелось бы поехать, так исключайте всех!
— Да, если вы поедете к людям, которые носят наших вождей!

Товарищи! Здесь между нами коммунисты!
— Ишь ты! Коммунистом обзавая—испытать думает. У кого глаза на месте, тот сейчас у вас коммунист!
— Броннигер ничего не сделал! Не за что его исключать!
— Броннигер надо исключить!
— Оставить!
— Исключить!
— Оставить!

Скажис кулаки, в воздухе завертелася стуж. Напрасно звонил председател. Франц Броннигер стоял у стены, вынулчи глаза. Он умал, что самое трудное—это найти нужные слова, но что он, Франц, вдруг станет предметом всеобщего возбуждениа, это ему не пришло в голову.

— Мы не позволим,—сказал председател, —чтобы наши ряды расстранивалася коммунистическими маневрами и пропагандой.

— Вы ждете!—закричал вдруг Франц.—я просто говорю, что в России я мог бы поступить в техникум, а здесь это нашему брату недоступно. И про клуб электротехников я рассказывал, это правда, но вечером в клуб приезжают артисты, поют, играют, потому для рабочих государству ничего не жалъ—свой ребята. Я говорил еще, что надо всему верить, что газеты пишут, это я говорил. Но коммунистической пропагандой я не занималася.

— Очень жалъ,—сказал председател,—что как раз служащий красного муниципалитета так забывает, что дал одурманить себя. Какие там «одурманивания!»—взревел взбешенный Франц.— Вы сами одурманите нас. Я больше верю собственным глазам, чем вам, вы никогда не видели близки ни одной советской электрической лампочки и хотите втереть мне очки разговорами о каком-то маневре.

Прошло несколько дней. В субботу Франц пошел в секретариат партии за марками. Вот уже несколько лет, как он собирал чекиские взносы в своем квартале. Там ему сказали, что марки уже взяла молодой товарищ и чтоб он зашел в понедельник и сдал счет кассиру.

— Это почему?—спросил Франц, но секретарь, не отвечая на вопрос, заметил: «Что же, вы теперь работаете у коммунистов?, и когда Франц отрицательно покачала головой, он прибавил: «Ну да, я понимаю, вы служащий муниципалитета и не хотите порывать с партией, но знаете, эта двойная игра довольно нечестна, лучше сразу возьмите и выступите!»

Вечером Франц встретилася с товарищем, который был с ним в Москве. Он спросил его, получил ли Франц уже от союза рабочего спорта извещение об исключении: «Разве ты не знаешь, что все футболисты, похавшие в СССР, исключены? Да, верно, тебя не было на последнем собрании. Физкультурники против этого, но ничего не поделаешь, это постановление Люнерского спортивного интернационала».

В понедельник утром Франц опоздал на десять минут на службу: задержалася трамвай. Когда он пришел на станию, его позвали в канцелярию.

— Вы недорословестно относитесь к службе,—набросилася на него директор.—Вы своим отношением к работе подрываете дисциплину на стании. Мы не можем более держать вас.

Когда Франц выходил из канцелярии, он был красный, как вареный рак, и бормолтал какие-то бессмысленные слова.

¹ Муниципалитет города Нены в руках социал-демократов, поэтому они называют Вову «правой Вездой».

Осенний ветер несколько освежил его. Он шел, ломал себе голову над случившимся и никак не мог понять одного: отчето придирались к нему, ведь работал... Франц, городской голова, гарантировал им декретом свободу собраний. Странно, весьма странно, что именно к коммунистам такие строгости. Странно и подозрительно.

В комнате горел свет, Иосиф Вайда искал—но постели и читал какую-то брошюру. Иосиф Вайда был все в чужие желтые, есть даже два фалачета, и не в трагюте. Сам Вайда, городской голова, гарантировал им декретом свободу собраний. Странно, весьма странно, что именно к коммунистам такие строгости. Странно и подозрительно.

Но теперь Франц был слишком взволнован и возмущен, чтобы заботиться о чести социал-демократов. Он тут же выпал из кабинета. Иосиф Вайда пристал от неожиданности.

— Что работу потерял, это, конечно, брат, в наши дни дело нелегкое, но зато...—он хохотнул себя по колену и рассмеялся. — Ты наконец прозрел. Не хотел-вероятно, так почувствовал. Почувствовал и поймешь. Ну, мне пора. Где моя кепка?

— Скотина,—ответил Франц.—Твоя кепка под столом. Куда прешь?

— Хочешь, пойдем со мной,—предложил Иосиф.—Познакомлю тебя с ответственным товарищем. Слышал о нем?—Иосиф назвал фамилию.

Франц действительно слышал об этом товарище, наделавшем социал-демократам не мало забот и скандалов тогда, когда вернулся из Цинхайя после свидания с Лениным, стал организовывать рабочих против войны. Франц знал, что он долго сидел в тюрьме в очень тяжелых условиях. Вероятно хотел агитировать, упрекать меня, что я социал-демократ... Франц всю дорогу доказывал Иосифу, что в Австрии нельзя быть большевиком, что большевики раскололи рабочий класс, оттого и фашизм крепнет. Он повторял все доводы, которые вчитал в «Арbeiter Zeitung», и готовился спорить с ответственным.

Ответственный сидел за отдельным столиком в маленьком кафе в Гернальзе¹ и, казалось, поджидал их. У него было худое, длинное лицо, за очками глядели внимательные глаза.—Ну что?—обратился он к Иосифу. Иосиф развел руками:—Ничего.

— Не был?

— Нет. Вероятно на границе схватили.

Лицо ответственного сразу омрачилось, словно покрывало серыми пятнами. Он бего окинул глазами фигуру Франца и вопросительно взглянул на Иосифа. Тот кивнул головой. Франц понял, что ответственный взглядом спросил, наделал ли Франц, можно ли при нем говорить, и что Иосиф ответил утвердительно. И ему сразу стало хорошо и тепло на душе. Ему хотелось развеять ответственного, который сидел удрученный, опершись рукой о щеку. Франц потер лоб рукой, подумал и вдруг выпалил.

— А я был в Москве с футболистами, только что вернулся. Ответственный улыбнулся. От улыбки его лицо посветлело, сделалось приветливым и ласковым.

— Ну что же, как вам понравилось?

— Очень,—сказал Франц, и вдруг ему захотелось рассказать ответственному о том, как издевались над ним за последние дни. У него было чувство, что ответственный особенно хорошо поймет его: ведь и он подвергался преследованиям, да еще как!

Услышав имя Бинька, ответственный усмехнулся.—Ну, этого я знаю,—сказал он,— всю жизнь помнить буду. Моих же товарищей на меня натравил.

— Как это так?

— А так. Вы не помните январской забастовки 1917 года, вы слышали молоды. Наши рабочие, испуганные от недоверия, избешенные подлыми условиями, которые граф Черини и генерал Гофман диктовали молодому пролетарскому государству в Брест-Литовске, не желали более поддерживать империализм изготовлением снарядов. Стали машины в Вене, в Винер-Нейштадте². Тут вот Бинька и исполнились. Стачка—это революция, значит, стачку надо сорвать. Но рабочие горели решимостью—как их уният? Вот они стали рабочим в Винер-Нейштадте рассказывать, что стачка в Вене кончена, был я как раз на собрании, где этот самый Бинек уговаривал рабочих снова стать на работу. «Вы один, товарищи, один»,—повторял он,— «во всех заводах Австрии рабочие вернулись к стачке, вы, один упрямьтесь». А я только-что прибыл из Винер-Нейштадта. Кому? «Ложь! Ложь!» Гривс к трубите. Тут Бинек струсну,—понял—дело скверно, надо увернуться, уж масса поколебалась, угрожающе двинулась к нему. «Что же вы, товарищи, разве вы не видите»—протокатор. Рабочие не узнали меня—был я в шапке, освещенные было слабо,—бросились на меня, сбили с ног, стали бить, топтать... Франц сидел как громом пораженный. Значит, и в Австрии социал-демократы были точно такие же, как в Германии, и такие же, как русские меньшевики: за войну до победного конца, и боролись самым подлым образом против революции и революционеров. А против фашизма не боролись, нет, и он все рос и рос, а с ним и безработица, нищета... значит, прав был Иосиф...

Они вышли на улицу. Мороза мелкий осенний дождик, но Франц сжал кепку ему было жарко. На перекрестке ответственный стал прощаться. Франц долго тряс его руку, хотел ему что-то сказать, да поазбыл. Ответственный пошел по мокрому тротуару, велоча за собой ногу.

— Видишь, он хромает, это все с тех пор,—шепнул ему Иосиф.

Франц вдруг вспомнил, что хотел сказать, и гаркнул «ай!». Ответственный остановился. Франц в два прыжка оутился подле, поспеша ему руку на плечо, сам того не зная, заговорил на ты:

— Случай, товарищ, ты там... я хотел сказать... если что—дай знать. Я скажу товарищам и мигом—вся Бена будет в потемках... и еще... у меня приятели водопроводчики—воды тоже не будет... ни света ни воды им, нашим врагам... э, да что... всеобщая забастовка... будут голодные и темные поезда, мы их в два счета развзимим... ты только слово скажи...

Теперь шел настоящий дождь, поблескивая золотой пылью у фонаря, стекая черными струйками с зонтиков. Проходящие слышали, толкали Франца и ответственного и в конце концов спихнули их с тротуара. Но они не замечали этого... стояли, улыбаясь друг другу.

— Спасибо, товарищ,—сказал ответственный.

— А ты не благодари. Я не за твою ногу мстить хочу—за всех нас. Говорю только: скажи слово, потому что вижу, что ты понимаешь... а те... ну их в черту. Им тоже ни света ни воды. Ты бы покосиле рабочих собрать, а там—в два счета все переменится. Кончатся сокращения, закрытые фабрики откроются, будут наши ребята в техникумах учиться... и станем мы с русскими товарами обмениваться: они нам хлеб и сырье, а мы им машины, кожаные изделия, вязку, эмаль,—все, что у нас имеется...

Иосиф подошел, дернул Франца за рукав: «Ну, будет, рожмечайся»,—поднял под аято, вот тебе и революция».

— Скотина!—ответил Франц по-привычке, но все же дал увести себя. Пройдя несколько шагов, он обернулся и крикнул вслед удаляющемуся ответственному:

— Так слышишь? Я слово дал: ни света, ни воды.

Безработные в Нью-Йорке кочуют на улице

¹ Социал-демократическая гавань.

² Пролетарский район в Бресте.

³ Винер-Нейштадт—промышленный город недалеко от Вены.

Здравствуй, Горький, старый товарищ!

В. Шилин и Максим Горький

Осенью прошлого года 250 лучших ударников со всех заводов СССР совершили поездку вокруг Европы на теплоходе «Абхазия». Этой поездкой ударники были премированы за ударную работу по выполнению плана второго года пятилетки. Тов. Шилин—ударник ленинградского завода им. Сталина—принял участие в этой поездке и описывает в своем очерке момент встречи экскурсантов с Максимом Горьким в Неаполе.

В. ШИЛИН

По пути из Гамбурга в Неаполь на «Абхазия» заговорили о Горьком. Ведь скоро мы увидим его! Здоров ли он, придет ли в Неаполь встречать нас или мы отрядим группу ударников к нему, в Сорренто? Штаб сообщил нам, что им приняты все меры и что если здоровье Алексея Максимовича позволит ему, то он несомненно придет встречать своих друзей-ударников.

Перенес все невзгоды девятидневного непрерывного морского перехода из Гамбурга в Неаполь, мы за час до обеда в Неаполитанском зале, на экстренном митинге зачитываем обращение Горького относительно дела вредителей. В ответ на это обращение четыре лучших ударника с многолетним производственным стажем, убежденные сединами рабочие ленинградских гигантов «Красного Путиловца» и «Треугольника», подают заявления в партию.

В 12 часов «Абхазия» подходит к берегу. За обедом нервничаем. Не дожидаясь третьего, выходим из-за стола, бежим на палубу, чтобы не пропустить первых моментов встречи с любимым писателем. Тем временем капитан и команда делают свое дело, и наша «Абхазия» спокойно швартуется к стене. Все палубы заняты ударниками, все напряженно смотрят. Все стараются увидеть того, кто дорог и близок нам, как родной товарищ по борьбе, по защите нашей несобойной страны советом.

...Настала долгожданная минута. Идет Горький, он издали машет своей шапкой. При виде его невольно вырвалось у всех из груди:

— Да здравствует Горький!

Подходящие к теплоходу, Горький начал всматриваться в знакомые лица. Разговоривая, он понемногу двинулся вдоль борта. Не утерпев, я громко произнес: «Здравствуй, старый друг и товарищ с 1905 года, Максим Горький!»

Горький посмотрел на меня и сказал: «А я тебя знаю, только не помню, где и когда мы выдеслись. Я ответил: «Поездный раз в 1916 году на мотеле Лужугина от Выборгского района». — Помню, помню, — закивал Горький.

Тем временем кончилась процедура с властями, и представителям подшефства во главе с Горьким было разрешено взойти по трапу на корабль. Горький медленно шел по палубе, не успевая отвечать на приветствия и вопросы аэволюционных ударников.

На заседании штаба Алексея Максимича участвовал в разработке программы осмотра Неаполя.

Митинг.

Выступают товарищи, читают рапорты—и, наконец, Горький. Слушаем с напряженным вниманием, стараюсь не проронить ни одного слова. Горький нервничает, слезы выдают его волнение. Многие, слушая его, плачут от радости.

...Идем по городу на вышку, на самую высокую точку, откуда весь город виден, как на ладони. Горький в честь свидания идет с нами по рюмке виноградного вина. Мы запоем песню. При пении «Чушки-вышки-перевышки, Чаш Кай-ши сидит на лушке, а мы его по макушке—бац, бац» Горький не выдержал и подошел к группе поющих. Помояно на эту песню и потом при всяком удобном случае просил ее повторять.

Вечер свидания кончен. На завтра Горький опять с нами в Национальном музее. Он дает подробные объяснения. На вопрос, не устал ли и как себя чувствует, отвечает: «Чорт возьми, с нами и устал не знаю, чувствуешь себя прекрасно. То же самое и в Аквариуме. Одним словом, во все эти дни пребывания в Неаполе—где бы ни были ударники, и Горький с ними. Горький забывает свои 63 года, свою болезнь, строгие предписания врачей.

В эти дни в лице Горького мы видели литературного ударника. В заключение, на прощальном вечере Горький сказал: «Мудрый был человек Ленин и не ошибся в вас. Мы, писатели, пытались в литературе создать нового человека, а теперь в вас я вижу новых людей, творящих чудеса». Еще много было сказано бодрящих теплых слов. Каждую фразу Александр Максимович произносил с грудом, сдерживая волнение. «Ребята, я хочу сказать вам много, но вот горло что-то давит, а глаза у меня на мокром месте, а плачу, а почему,—от радости, мои друзья, за вас, за ваш рост! Ведь мы растем так, как никто из нас не смея мечтать десеток лет назад, и вот я не только здесь вижу вас и плачу, а дома, получая от вас газеты с предпринятием и читая их, вдрог так заплачу, что сил нет сдерживаться—и это все от радости. Ну, как мне не радоваться, видя вот этого седого старика, 43 года проработавшего на производстве, а ведь он ударник. И я, приехав к вам в СССР, обязательно должен увидеть тех, о ком написал...»

Пожелав нам всего лучшего, Идем на палубу. Ударил баян и пара за парой выходили ударники, анхо, по-ударному показывая свое искусство.

Горький увлекся, не хочет сидеть. Глазами, всем туловищем, руками и ногами он участвует в пляске.

В самый разгар веселья появляется капитан и объясняет, что после второго гудка надо расходиться. Еще несколько радостных минут.

Гудит гудок. Прощаемся. Не хотелось расставаться, но делать нечего—надо. Медленно-медленно шел Горький по палубе, пожимая руку каждому. Пришел черед и мне. «Прощай, дорогой друг,—сказал он,—не поминай лихо». И расстался мы на корабле, уговорившись встретиться в 1931 году летом.

Капитан с командой делает свое дело. Мы все на палубе. Слаником томительными и долгими показались минуты, когда отдавали канаты и подымали трап. И тут Горький вывел нас из затруднительного положения, попросив спеть на прощание любимого «Попа, Чап Кай-ши и пушку». С радостью грянули опять ребята,

Ударник московского завода им. Владимира Ильича пишет адрес Владимиру Горькому на пиле, вылущенной сварж пилана и 65-летию со дня его рождения

не жалея голосовых связок, стараясь друг перед другом, а он стоя на берегу и радостно отвечал на песню. Тем временем «Абхазия» отвалила и дала ход. Заремел «Интернационал» и покатылся по воде и суше...

«Мы наш, мы новый мир построим...»

Москва. Нелегальное собрание рабочих 1-го мая в царской России

Худ. Владимирский

... ЧИСТИМ

Оружие к бою

С. РАСНИЦКИЙ

Гейне утверждал, что известия о революции 48-го года в Германии показались ему сонными думами, завернутыми в газетную бумагу. Сонные мелко-буржуазные идеалы того времени закатились уже давно. Сейчас, когда переизданы немецкие газеты, — боишься, а как бы они не возразились у тебя под рукой, настолько события насыщены динамитом классовых гроз.

Передовая одного из последних номеров «Юнге Гарде», целиком посвященного всергерманскому съезду молодежи, коротко и выразительно озаглавлена — «Вперед к 1-му мая». Казалось бы, содержание передовой несколько опережает события. Между тем, по существу, всергерманский юношеский день и явился началом перломойских выступлений 1931 года. Не случайно Красная Пресня Берлина — боевой Вейдинг, особенно отличающийся ежегодно в день 1-го мая, уже в дни съезда выкупила свыше 150 революционных знамен!

Чем отличаются обычно буржуазия и социал-фашизм перломойские выступления? Арестами, запрещением собраний и демонстраций, судом над участниками боевых выступлений. Судя по этим признакам, «перломойский сезон» в этом году, в виду особой накаленности атмосферы, начался еще в апреле, в дни всергерманского съезда молодежи.

Признак первый: чрезвычайный закон против коммунистической заперти все революционные демонстрации.

Признак второй: за три дня съезда полиция арестовала 674 молодых пролетариев.

И, наконец, признак третий: в порядке ускоренного судопроизводства 14 участников демонстраций были молниеносно посажены на скамью подсудимых.

«Если бы Бебель мог прочесть последние номера «Форвертса», он бы перевернулся в гроб», — констатирует по этому поводу не без злободневности буржуазная «Детские альгемайне Цейтунг».

В свое время буржуа мог беззаботно напевать на мотив популярной офенбаховской паванетки: «Великолепен месяц мая...». Сейчас на смену этим беззаботным рудам приходит судорога зверинной злобы, которая сводит на-нет все «вожальные» способности буржуазии. Сейчас редактор «Юнге Гарде» Конрад Бэннас приговорил к двум месяцам тюремного заключения за то, что в перломойской летучке еще в 1929 г. он призвал к выступлению рабочую молодежь. Не ограничиваясь вынесенным приговором, буржуазный суд уже готовится предъявить ему же ряд новых обвинений, которые, повидимому, отложены на после 1-го мая.

Приговор тов. Бэннаке, вынесенный по делу, насчитывающему двухлетнюю давность, далеко не случайно опубликован сейчас. Он является не только предупреждением всем тем, кто идет за призывами «Юнге Гарде», но и провокационным вызовом по адресу тех, кто замедлит тов. Бэннаке на его посту. В Германии сейчас 2.465 миллионов и свыше 5 миллионов безработных. Согласитесь, что эти цифры в огромной мере обвывают всю партию социалистической полиции быть чужим.

«В случае необходимости применения огнестрельного оружия следует сделать это немедленно. Надо порвать с принципом, что войско первое не открывает огня и ждет пока выстрелы падут из толпы. В 90 процентах случаев войско дождется этих выстрелов лишь в момент, когда уже не сможет пустить собственное оружие в ход, так как оно (войско) уже будет обезоружено. Поэтому моментом для открытия огня должен быть момент, когда толпа, несмотря на неоднократное предупреждение, не подчинилась. Но в коем случае не следует применять это оружие, если патроны или стрелять вверх. Это только придаст смелость толпе и вызо-

вет чувство пренебрежения к силам армии. С момента применения оружия прицеливаться метко».

Это руководящее указание взято нами пока что еще не из перломойского обращения ЦК социал-демократической партии, а из книги многоопытного польского генштабиста полковника Ровецкого «Личные бои». Однако, не подлежит никакому сомнению, что секретные циркуляры гошдеи социал-фашистской полиции, ненавидящих революцию как «смертный грех» (выражение Эберта), очень недалеко ушли от этих указаний.

В перломойской демонстрации прошлого года крупнейший лидер социал-фашистских профсоюзов Грасман призывал массы к завоеванию власти «не кулаком и бомбами, а оружием духа». В тот самый момент, когда Грасман слайно сморчался в платочек своей проповеди, социал-полицейские в упор расстреливали коммунистических демонстрантов. Завис о существовании «оружия духа», они по-привычке хватались за полицейские карабины. В тот самый момент, когда «Арbeiter Цейтунг» в своем перломойском воззвании призывала к порядку и уверяла, что «просвещенный империализм» стал уже совсем ручным, отряды телохранителей «просвещенных империалистов» со слепой яростью накидывались на демонстрацию, не оставляя камня на камне от всех этих провокационных проповедей.

С каждым годом все больше и больше выпирает из-под пазы и шебля этих традиционных фраз их предательская сущность. В обращении к берлинской организации комсомола по поводу съезда сказано: «Мы уже чистим оружие к бою». Это оружие, испытываемое в дни съезда, будет бить безощино и в перломойские дни по всем тем, кто тычет в руки масс «оружием духа» против «просвещенного империализма».

Молодая гвардия германского пролетариата

На синих — делегаты всергерманского съезда молодежи в Берлине

проверка сил мировой революции

Макс Гельц

1 мая 1931 года пройдет под знаком боевой готовности к решающим сражениям не только германского, но и всего мирового пролетариата.

Небывалый промышленный и аграрный кризис во всем капиталистическом мире переходит в длительный политический кризис. Не существует кризиса только в военной промышленности. Разминочный процесс и процесс меньшевиков разоблачили перед лицом мирового пролетариата преступные планы врагов Советского союза. Война против единственного пролетарского государства в мире — в этом капиталистические хищники видят единственный выход из положения.

Особенно резко проявляются результаты кризиса в Германии. Там к последствиям кризиса надо прибавить бремя плана Юнга, которое целиком ложится на плечи рабочих и мелких крестьян. Ежегодно германский пролетариат вынужден платить золотом 3 500 миллионов марок капиталистам Антанты. Это ведет к ухудшению условий жизни рабочих, к снижению зарплат, к безработице.

Коммунистическая партия — единственная представительница интересов рабочих и мелких крестьян. Все организации революционного пролетариата — коммунистическая печать, профсоюзная оппозиция, комсомол и красные спортивные кружки — поставлены в исключительно тяжелые условия. Несмотря на это, с каждым днем все больше и больше растет влияние компартии среди широких масс.

14 сентября 1930 г. на выборах в рейкстаг почти пять миллионов рабочих и мелких крестьян заявили о своей готовности бороться за советскую Германию. Теперь эта масса борцов выросла вдвое. Число членов союза коммунистической молодежи также удвоилось. Лучшей антигазетой за компартию является победоносное социалистическое строительство в Советском союзе.

В рейкстаге фон-Тойпленг, представитель кулаков, заявляет: — Я убежден в том, что пятилетний план действительно проводится в Советском союзе, я даже думаю, что он будет проведен в четыре года.

Когда мы спросили несколько недель тому назад в Машингостросе, в Свердловске, одного немецкого инженера, будет ли осуществлен пятилетний план в четыре года, — он ответил:

— Мы все думали, что пятилетний план — шутка, теперь мы видим, что это серьезное дело.

То, что теперь признали германские капиталисты, давно понял германский пролетариат. Он понял, что есть на земле только одна страна, которая не знает ни аграрного, ни экономического кризиса, не знает трудностей сбыта, снижения зарплат, безработицы.

В стране социализма пятнадцатая в нефтяной промышленности выполнена в 2½ года, то же произошло на целом ряде фабрик. В стране Советов зарплата непрерывно повышается, так же как и расходы на просвещение и социальное обеспечение. Германский пролетариат знает, какие задачи стоят перед ним, он знает, что у него есть один только выход из тяжелого положения.

Советские ударные бригады являются образцом для германских рабочих и крестьян. Боевая готовность и борьба на всех фронтах, мобилизация широких масс для борьбы за советскую Германию и для защиты Советского союза — вот лозунг 1 мая.

Этот мировой праздник пролетариата всегда был смотром боевых сил. Социал-демократы превращали его в прогулку с чайной кофеей и пирогами. Для революционных пролетариев 1-е мая всегда оставалось боевым днем.

Во время монархии довольствовались тем, что мирно демонстрирующих рабочих разогнали ударами шашек. Социал-демократические полицей-президенты Германии давно перецежедали своих монархических предшественников.

1-го мая 1929 года Церибель привел в умиление всех социал-демократических убийц. Тела 33 убитых пролетариев валялись на берлинской мостовой. С того времени, как социал-демократы пришли к власти, каждое 1-е мая убили рабочих-демонстрантов, среди них были и социал-демократические рабочие, которые гнали от пуль своих товарищей по партии. Даже буржуазные газеты принуждены были признать, что больше всего жертв среди демонстрирующих рабочих бывает там, где валяются социал-демократические полицей-президенты.

1-го мая 1931 года — день проверки сил мировой революции. Капиталистическое правительство запретило какие бы то ни было демонстрации в этот день. Но революционные рабочие не позволяют, чтобы у них было отнято право демонстрировать на улицах. Они не идут себя умищать без сопротивления. Рабочие имеют перед собой пример, который их воодушевляет — этот пример Советский союз. Там 1-е мая — настоящий пролетарский праздник. Рабочие, женщины, молодежь, вооруженные, с развешенными знаменами, вместе с красноармейцами шагают по улицам. Они — хозяева улиц, фабрик, клубов, театров. Здесь не проявляются пролетарская кровь.

1-го мая 1931 года вылезлись, как батальоны сильнее — батальоны полицейских или батальоны рабочих. Впрочем, в этом не может быть сомнения. Буржуазия и ее лакеи социал-фашисты боются нынешнего 1-го мая, как никогда еще не боялись. Они знают, что и на вооруженных ассенизов нельзя полагаться, что даже в казармах рейсвера бродит прирак коммунизма. Арестовывают десятки и сотни солдат, но самого «призрака» поймать не могут!

Компартия и ее руководство закались в борьбе. Конечно, 1-го мая еще не вспыхнет революция, но 1-е мая прозвучит во всем мире мощным призывом к последней борьбе.

Поднимается новая гигантская революционная война. Пролетариат определит день, когда она разобьет капиталистическое общество.

1-е мая приближает этот день.

Опричники социал-демократического полицей-президента орудуют...

...Так мало писала тебе за весь этот прошедший год. И от тебя уже с год не было писем. Но были открытки, были коротенькие, мимолетные письма-приветы. Разве надо тебе говорить, как благодарна я за них, как вспыхиваю восторгом, получая эти приветы?... Ну, ладно! Имя рассказывать тебе о нашей жизни, об этом ведь не всегда пишешь, много-много писем, где я провозглашаю хоть-какую маленькую раскваску, давшие тюремной канцелярии не пошлая—конфискованные.

...Так вот, слушай. Ты ведь старая и близкий друг Н-ской коммуны политический заключенный и даже о ней знаешь. Раньше всего интересны цифры. Ты помнишь коммуны, когда в ней было всего 5 человек. Теперь, через 2 года, нас более 40 человек. А писано было около 60; из них только 10 человек на воле за все время. Можешь делать выводы и о росте фашистского террора и о росте революционного движения.

Что же мы собой представляем? Видеть всего—ха-а-арший народ! Люди всевозможные, надежные, всеядные, боевые, беззаветно-преданные и дисциплинированные. У нас нет ни одной расизмы, у нас не бывает случаев трусости или измены, у нас совершенно неизвестны уподобные истерии, у нас нет никогда скуки. Далеко по возрасту от 17 до 50 лет, по приговорам—от 1 до 10 лет. Но эта огромная разница стирается, ее незаметно: 50-летняя старая К. прекрасно стоваривается и весело хохочет с 17-летней Г. Ожидания на 10 лет вперед, так же близко чувствуешь свободу, как и пришедшая с годичным приговором П.

Но годичные приговоры—это исключение. Больше всего 5—6-летки. Очень многие сидят второй и третий раз. Все прекращают по делу своего пребывания в других тюрьмах, и потому здоровым коммуны похвастаться нельзя. Много, большинство больных. Есть серьезно больные. Туберкулез, конечно, царствует над всеми другими болезнями. Но никто себя больным не считает. С., например, три дня лежит и один ходит. Но от нее ты точно же услышишь:

«Какая в больши? Что ты на самом деле? Я просто немножко ослабела и теперь вот пишу тебе частушку».

Старая К. так было разболелась, что аж, сколько мы переживали! Но и она, замалывая, не переставала твердить: «Нет, я должна еще выйти на волю. Я должна еще поработать. Ведь столько работы теперь».

Представлена у нас, конечно, вся Польша в ее полном теперешнем составе: тут и Западная Украина, и Западная Белоруссия, все प्रदेशские промышленные центры...

Ну, вот тебе физиономия коммуны! Теперь хочешь, наверно знаешь, в каких условиях мы живем. Тут, братка, дела аховые. Душат нас всеми мерами и способами так, что дальше уже некуда. Мы переживаем индустриальный кризис, а начинающийся второй обещает быть еще почище прошедшего. Из всех польских тюрем (а имя им—легком) несется теперь скрежет зубовой. Вот баланс одного года: забрали все изданные в СССР и вообще не принадлежащие фашизму книги, запрещено получать такие книги и радикальные газеты и журналы, запрещено переходить из камеры в камеру, запрещено собираться вместе, распределить продукты и одежду, а также и деньги, введена прогулка парами. Да и переписки, да все благодеяния, которые обильным дождем сыпались на наши головы?

Интересен по своей глупости является способ, каким фашизм хочет одновременно и нас просто физически истребить (о, если бы это было возможно, ха-ха-ха!), и себя спасти от туго стянутой петли кризиса. Выдумано остроумно: нас арестовывают и сажают в тюрьмы на долгие годы, а потом велит плыть за это. Так, так, не удивляйся! Сначала тебя засудят годиков эдак на 8, а потом

Пятнавое имя письмо прислано в «Свободу» писанной, автоценой в польской тюрьме. Вот уже шесть лет, аж двенадцать камер заварились за нас. О восторженности автора, и тыщты других заключенных, предостановит читателя судить по всему. Выше с легка, от лица десятка тысяч читателей «Свободы» шлешь им товарищи по борьбе боевой перловский привет.

Надеюсь час освобождения, товарищи, стремительно приближается, «великая буря социалистической революции».

примут счет на пару тысяч złotych. Это—судебные издержки. Потом приходят тебе другой счет—за содержание в тюрьме. Наши счета получали сета, по которым требуется оплата до 1936 года. Ловко, а? Но это еще не все. Если ты крестьянин—у тебя забурют и продадут твою землю; если ты рабочий и нелегально нанимается не имеешь—будет наложен арест на твои деньги в тюрьме; значит каждая 15—20 złotych, которые будут тебе приходить товарищами или семьей, достаются не тебе, а фашистскому правительству. Ты же годовой, подмай...

Но все превосходит мерзостью и идиотизмом так называемая «стерегация». Об этом просто невыносимо писать. Но вы должны знать и об этом. Так слушай же: христианство должно быть отделено от «сперсы»,—и вот арестуются в камеры наши телохристиан, хватают нас и перетаскивают, «сортируют» по своему усмотрению. Ни возмущение, ни протесты, ни доказательства бессмысленности и оскорбительности этого распоряжения, конечно, не помогают. Это проводится уже несколько месяцев тому назад, но до сих пор и никогда мы не сможем об этом спокойно думать и говорить. Надо ли объяснять, добавлять что-либо?

А теперь к фактам—картинка: наша прогулка. Вдоль во дворе появляется начальник. Безличесно и грозно направляется он к нам и разряжает громом в мойщик: «— В порядке ходите! Не смеять приближаться друг к другу. Смейтесь? Я вам покажу смеяться! У меня здесь хохоту не будет! Это правительственное учреждение, а не кабак! Я вас научу порядку! Здесь коммуны не будет! Вы у меня забудете про коммуны! Это не Россия, а Польша!»

Он сам закикает своим красноречием, захлебывается от дрожи и кричит, уже обращаясь к надзирателям:

«— Смотрите за порядком! Не переминаться с ними! Силой их! По одной! В карцер сажать! Наказывать! Не выпускать на прогулку!»

Такое удовольствие может продолжаться долго, может повториться сколько хочешь.

Нас, понятие, не испугает. Мы только покрепче сжимаем руки, стискиваем кулачки и ни на минуту не перестаем бороться, записавшись

упорно, ожесточенно, иногда по два месяца не выходя на прогулку. Думаешь, мы перестали смеяться? Как бы не так! Смеется так же звонко и радостно, но с сожалением признаю, что реже. Сашком часто душит дулом, сашком часто грозит трепом. Ты подумай только, постарайся себе на минуту представить, каково это жить под постоянным непрекращающимся градом оскорблений и унижений, изощренных до тошноты, и отравительно грубым издевательством, каково являть каждую минуту своего удара с любой стороны...

И все-таки любовь, ненависть и тревога не царят безраздельно в наших душах. О, нет, мы знаем и радость и смех. Да и как же может быть иначе? Ведь растет, грядет революция. Ведь мы же знаем, что это предсмертные судороги фашизма, ведь мы и через вой подыхающих гадов слышим торжествующую песню нашей победы! Мы знаем, знаем, что свобода близка, мы с замкнутыми от счастья сердцами лозим звуки приближающейся великой бури—социалистической революции в Польше.

Стань на минуту на наше место, и ты все поймешь. Да есть ли на свете, встаете ли на земле больше счастье—будучи от последнего дышанья славными врагом, все же чувствующая свою непобедимую силу, зная, что враг погибнет, видеть идущую несомненную победу и избавление—свободу? Свободу не только нам, а в десятках миллионов трудящихся!

О том, что все это так, о том, как развиваться и близится революция в Польше, я тебе рассказывать не должна, ты знаешь, пожалуй, не хуже меня. Ох, и хорошо же, и чудесно, и неповторимо прекрасно жить на свете! Скольким у нас разговоров о нашем далеком будущем, сколько конкретных планов и душевных мечтаний!

А теперь к вам, а наш прекрасный СССР, в Москву. Так малю, наш теперь у вас, а интерес такой огромный. Проводите уже 3-й год пятилетия. А достигнуть успехов и преодолеть новые трудности все увеличивается энтузиазм, удивительно силу, размах. Скольким планов стало уже действительностью! Скольким намечено новых, о которых еще 3—4 года тому назад и не мечталось!

В камере Французской центральной тюрьмы Пуаву

Группа революционной немецкой молодежи, заточенная в тюрьму в Понерави за „государственную измену“

Во мгле невзведения о вас, которой нас так тщательно окружают, иногда мизерный, у вас вовсе незамеченный фактик—для нас осветит ярким огнем жизни, скажет о наших достижениях.

...Ты знаешь, вероятно, что членов польской рабоче-крестьянской делегации, которая была в СССР, всех арестовали, осудили, дали по 4—6 лет. И только потом апелляционный

суд их освободил после нескольких месяцев заключения. Но они рассказывали и в тюрьме, а от них через десятки уст пошли, пойдут рассказы дальше, дальше...

Как страстно хочу я знать о вас, про родину мою, нашу... Как идет коллективизация, как обезвреживаются кулачки, как растут кадры, и аши кадры? Теперь, вероятно, после процесса Рамзина вопрос этот стоит

еще шире, осуществляется с еще большей решительностью. Как живет, растет, борется комсомол, на каждом фронте теперь наиболее частый огонь?

...Вспомнилась мне, что ты обещал подробно написать про встречу с Максимом Горьким. Читала его письма к рабочим и крестьянам в связи с процессом Рамзина. Как рады мы были. Наш Максимушка с нами!

...Нет, если бы в моем распоряжении были еще 10 таких листков, как тот, на котором я пишу это письмо, и писала бы я еще в три раза мельче (признайся, ругаешь ты меня, читая), все равно никак не сказала бы всего, что хочется тебе сказать. Где там, где там...

...Летит время, мчится. Служу уже 6-й год. Не верится мне, никак не верится, что я уже 6 лет не видела свободы. Да вот ведь она—я еще живу ею, она еще даже не в прошлом, она—настоящее и... близкое будущее... Да, да, еще несколько усилий—и мы будем вместе. Мы изменились? Это ничего. Мы старые, прежние комсомольцы, мы—это мы.

...Думаю об этом новом будущем, неизведанно прекрасном, и так живо, так близко встает прошлое. На-днях вот, в тихую, мрачную ночь, после особенно горького тревожного дня, мне с необычайной яркостью всплывало такое. Ранняя весна. Задумчивые, розовато-голубые, прозрачные сумерки. Мы идем с тобой по тихой далекой улице. А нас окутывает, пронзает насквозь, льянит и будоражит весенне-задорный, крепкий и веселый запах распускающихся топочей... Мы идем и колоды, ласково улыбаются голубые сумерки. Как хорошо!

...А завтра—гражданская война, советы в Польше, советы в Германии, и еще и еще,—ведь будет не революция, а волна революций... Мы будем еще бороться—по-новому и по-старому, как когда-то—бороться и на фронтах, и в тылу, в атмосфере новых 1918—1920 гг. Но ведь теперь есть СССР. Никогда не будет сказано достаточно об этом факте. Как же могуче засвидетельствует об этом будущее..

Изголодавшиеся безработные добывают себе пищу на реке Шпрее, в Берлине

2 отряда

наде залака

рис. г. якубович

В специальную гавань тропического порта входил военный пароход. Кабуки пара, вылетание из трубы парохода, осветление таини на африканском солнце. С парохода опустия труп, люди быстро сходили на берег.

— Солдаты фрихели! Солдаты! Первым вышел высокий, стройный офицер, которого чиновник порта, встретил, как давнишнего знакомого. Солдаты, утер-офицеры медленно, гуськом выволазили из парохода, иногда почтительно даяая дорожку какому-нибудь запоздавшему начальнику. На берегу солдаты построились по-заводу, по-роты, и через несколько минут в строгих килдратах стоял стрелковый батальон легиона.

— Витовки в пирамиды, спаржение сбрасывать, поставить караула к винтовкам, начать выгрузку,—через час двинемся. За работу отвечает дежурный офицер,—сказал начальник вытягившемуся адъютанту.

— Так точно. Через час. Движения людей заучены и машинальны. Короткий миг—и витовки стоят в пирамиды, спаржение лежит у ног. Резкая команда выдерживает из рядов винтовочных пирамид—и уже не солдаты они, а грузчики.

Вокруг портового чиновника и командира батальона стоят офицеры и почтительно слушают тихий рассказ начальника:

— Видите этого маленького, чернышного. Он—итальянец. Первое время был известным фашистом, но не ужился со своей бражкой, ему пришлось бежать и во время бегства он совершил убийство. Верных десять лет избежал, поступил к нам. А тот высокий, стройный—и немец из очень хорошей семьи. Война разорвала их. Он был из прибалтийских ко двору, но совершил большую расстрату и прямо из Милте-Карло прискакал в оборонную комиссию... Вот тот, в очках, охваченный бешеным ревностью, отравил свою жену, которая, как потом выяснилось, была невинна. Теперь его изучают угрозыния со-вести и он хочет умереть. Я думаю, это ему скоро удастся.

— Вы спрашиваете о том, ширококошечек. Незначительный человек. По национальности поляк. Его загнала к нам безработица. В нашем батальоне найдется несколько очень интересных людей. А в общем—материя прежний. Европа очень богата такими типами. Сформировать сейчас батальон—дешевое дело. Безработица, житейские конфликты—этого хватает. Однако, мы не берем все-таки политически ненадежный элемент. Мы этих молодых берем только в последнюю очередь.

— Однако, позволяте, недавно в испанском Марокко, как вам известно, произошла бунт в одном из батальонов и оказалось, что в этой части была сильная революционная организация.

— Простите,—сказал обожанно начальник,—но у нас не испанский Марокко!

Было бы, что замечание о бунте задело его.

Люди работали быстро. Высокий трап ритмично катается под шагами нагруженных людей. Эти люди, почти не прожорены ни слова, призывают выгрузку. Им не о чем между собой разговаривать. Да, них еще нет общего языка. В батальоне 64 национальности и

множество представителей различных классов. Однако, грузчики по-смаивают на офицеров исполдобья. Эти люди одеты со вкусом, практично, на них приличное обмундирование и шляпы, которые защищают от палящего солнца.

Витовки в пирамидах. Между пирамидами медленно двигаются часовые. Выгруженные из парохода автомобили быстро увозят вещи. На канатах крапок, как пойманный жук, вертится гусеничный танк, который через несколько минут уже бесцеремонно тащит за собой пришедшую пушку.

Выгрузка закончилась.

Люди становятся в ряды.

Грузчиков вновь превращают в солдат.

Витовки на плечи!

Батальон трогается под звук легкого марша.

Отряд трогается. Незасвоенные еще оазисы Африки дрожат. Их скоро занесет на свои карты европейская цивилизация.

Работа кончена. Ворота завода густым потоком вырываются люди. Их всасывают в себя двери кабуки и стозовой. Но не успели еще развернуть тазету, не успели слышать второго, как вдруг во дворе раздается тревожная сирена. Люди вскакивают, бегут к месту сбора. Территория завода превращается в военный лагерь. Молодой и старый оправляют на ходу военное снаряжение.

Над заводом кружат самолеты, застывая небо дымовой занавесью. В домах закрывают окна. Люди проброются к месту сбора, скрываясь от наблюдателя—стальной птицы.

— Тревога!

Из беспророчно бегущих людей образуются отряды. Первая рота—один старик. Это те, которые побывали в царских тюрьмах, на каторге, в ссылке, сани эмигрантский хлеб буржуазной Европы. Вторая рота уже на молодожки, участвовавшей в гражданской войне. У некоторых на баузах блестит орден. Третья рота, сплошь одетая по форме—это комсомольцы, парни и девушки. На правом фланге, впереди стариков, становится отдельный взвод. Им командует плотный рабочий.

Слышна команда. Перед рядами, грохоча, прокатываются пушки, тачанки пулеметов. Отряд движется. Вперед идет отдельный взвод. Это—почет, это—отличник. Они будут первыми прине-ствовать командование. Они пройдут первыми перед трибунами. Завод демонстрирует перед военным командованием свою боевую готовность. Почему позволяет серебряная рота стариков пропустить перед собой отдельный взвод?

— Замолот этот взвод!

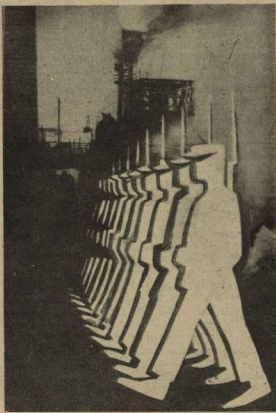
Это те товарищи, которых из всех тюрем мира, из-под дула винтовки, из-под высилки вырвала неколежимая воля рабочей организации. Среди них есть такие, которым повсчастливилось спастись безумно храбрым бегством. Болгарские высилки, ножа венгерских палачей, каменные острова фашистской сыскы Италии, французские военные кресты плачут по ним.

Вот взвод уже подходит к трибуне. Кто-то набигался над пирамидами и кричит:

— Да здравствуют ударники мировой революции!

Восторженный крик, летящий со всех концов совета—ответ на это приветствие.

Отряд за отрядом проходит перед трибуной. Командование признает, что тревога проведена образцово. Из трубы завода валит дым. В корпусах грохочет труд. Там вторая смена стоит на страже. Два отряда... Два мира.

наследники Майских баррикад

письмо из Берлина
дн. лебедев

Подземка в Берлине заканчивается змеистой подвижной лестницей (роль-треппе), а наверху, рядом со статуенподобным шумо, подпрыгивает на морозе липкая, как маргарин, комиссионерша католического союза женщин, которая продает листовки с лирическим заголовком «Привет солнцу! Солнца еще нет. Холодный, надоедливый ветер заползает в рукава пальто, и стоящий у расписного окна универмага безработный зыбко подрагивает болезненной, дикородной дрожью, в которой все: голод, отчаяние, тоска и одиночество.

«Привет солнцу!»
Вчера какая-то национал-фашистская дрянь нудно, гнусаво пела у ворот завода о любви к природе. На лице комьями зыблел отвратительный жир слюны. Она гоготала, что национал-фашизм несет счастье всем: и капиталистам, и рабочим, и прежде всего Германии. Она обещала благоденствие под сенью фашистской свастики и методически чавкала от глубокого, пронызывающего все ее рыло существо, самодовольства.

Высокая, худая, морщинистая, с желтыми полосками на лице, работница подошла к ней и сказала, глядя ей прямо в лицо:

— У меня муж... бросился под поезд.
— Оратор перестал чавкать, и на его свинообразной маске медленно проплыла неловкая гримаса—что-то вроде сочувствия.

— Отчего?
Работница посмотрела вокруг блуждающими глазами и быстро побегала к выходу.

Кто-то глухо сказал:
— От голода.

Рабочие бросили оратора. Жирный ком при помощи двух дюжих парней скатился со скамейки и недовольно навалился в автомобиль. Митинг не состоялся. В красном Нейкелье фашистские вылазки неизбежно заканчиваются провалом.

— За углом в школе я посмотрел выставку ученических работ. Начальство выставило «лучшие образцы»: пусть, мол, рабочие Нейкелья порадуются, чему научились их дети под благословенным оком их социал-фашистских воспитателей. Чему учат пятнадцатилетних девчат? Лошадки, вишенки, арбустики, зайчики. Вот домик с чистенькими балочками, фикусами и градами картофеля. Вот мышка-ирюшка с зернышками на пашенке. Вот львочка с собачкой: агу, маленькая...

А рядом стоит этакая пятнадцатилетняя недотепа в чистеньком платьице с подвойником и с цветочками в аккурратно зачесанных кудрях и умилливо смотрит из вас, ожидая неслепеющего похощения.

И подумать только, что это в Нейкелье, где только два года тому назад люди умирали на баррикадах! Подумать только, что за полторы тысячи километров отсюда ровесники этих кудреватых недотепов делают героическое, величественное дело, в одной колонии со старшими ведут неустанныю борьбу исторического задания социализма!

До чего же негражданин и гнил поток буржуазной пошлости!

Пятнадцатилетние строители машинных домиков—это недонки социал-фашистского воспитания. Их нет в рядах пролетариата. Это—чужое племя. Дети матерых социал-демократических волков, сросшихся в «хозяйственной демократии» со своими пузатыми хозяевами. Дети профинансиков и партбюрократов, которых с детства готовят к высокому сану лакеев господина капитала. В самой их приданной чистоте кроется какая-то грязная, хозяйская угодливость.

...В те время, когда социал-фашистское семя занималось рисованием лошадок и арбустиков, дети пролетариата погибали под предательскими пулями.

«Юнге Гарде» напечатала список рабочих, убитых фашистами и социал-фашистской полицией в 1930 году. 34 убитых за год—такова «мирная жертва» социал-фашизма капиталистическому богу. 34 жертвы провокации.

Первые в списке:

Вальтер Зель, 15 лет	31/
Гарт Горн, 16 лет	14/
Эрих Шахлов, 16 лет	24 X
Альберт Штанг, 15 лет	5 XII
Иозеф Храмковский, 15 лет	3/
Эрих Натан, 16 лет	15/

Эти уж, наверное, не рисовали лошадок. Поз-мещанин прогно-савида когда-то: «Хорошо умереть молодым. Это был главный бред отчаявшегося во всем разношнуд. Нет, нехорошо умирать молодым! Сколько сил, сколько бодрости, сколько зарядки было у этих ребят! Фашистская пуля оборвала только еще развернувшуюся ниточку жизни.

Сильните головы, ребята!

Неностности силы рабочего класса. В резервуар чужелюбной энергии пролетариата много еще такса, смело рвущихся в бой шестнадцатилетних героев. Но от этого не уменьшается наш скорбь о павших.

Германские комсомолки продают газету «Юнге Гарде» («Молодая Гвардия»)

Дальше в списке—ряды возрастов, из которых строится комсомольские колонии. Семнадцатилетние Карл Йордан, Эрих Фришман, Вильгельм Штефендорфер, Грубер. Восемнадцатилетние Герман Кремер, Отто Дюба, Вилли Шрейбер, Альфонс Бенгтин. Десятинадцатилетние Фишер, Вильгельм Энгель, Кай Ритц... И так далее: 23, 21 год, 22 года. Самому старшему в этом списке—Отто Людвигу—25 лет.

«Пали в борьбе за советскую Германию»,—пишет «Юнге Гарде». Советская Германия воспомин о них. И кому-нибудь при этом воспоминания придется несладко.

Красный союз молодых фронтовиков запрещен. Его место заняла молодая фашистская гвардия.

— Дети майских баррикад,—так называли их революционные рабочие.

Социал-фашистская печать крикнуло вопит о «развращенных детях». Орган продажной секбы Герзинга, вождя социал-фашистского «Республиканского флага», призывает свою банду не щадить детей, если эти дети состоят в антифашистской гвардии.

Черная берлинская «Беренштейн» хрипит о «красных амазонках» и требует их разгона.

Но «красные амазонки»—девушки из «Антифа» с чеством делают свое дело. Полиция хорошо знает их. Подчас они становились железной стеной, плотно сцепившись руками и окружая революционного оратора. И пока полиция прорвет эту неразрывную цепь, революционное слово уже брошено в толпу, массы уже получили зарядку, а оратора и след простыл. В боях с фашистами девушки из «Антифа» нередко часами держали фронт до подхода бойцов-пролетариев.

«Антифа» тоже попала под запрещение. Фашистские юницы, вооруженные револьверами и кастетами, свободно разгуливают по улицам и под охраной полиции нападают на рабочие кварталы. Зато «Антифа», обороняющая пролетариат от этих нападений, признана «нарушающей порядок».

На эти запрещения молодежь отвечает:

— Напешать! Когда напешут бон, Граезинские и Чергибели увидят эту заперенную майскую гвардию, гвардию веддинских и нейкельских баррикад.

Она еще доставит себе удовольствие вести под конвоем всю эту социал-фашистскую сволочь.

КАК ВСПЫХНУЛИ ЗВЕЗДЫ

и. нахана*

Румынское правительство неожиданно запретило все коммунистические организации за двадцать дней до 1-го мая. Собственно, это не было неожиданностью. Партийная газета в течение полугода не переставая твердила: «Будьте готовы к подпольной работе!»

Но секретарь партийного отдела знаменитый Михаил Петри, который в 1910 году нигде не появлялся без красного галстука, не придал серьезного значения этому предостережению. Его отага заклохалась в том, что, сидя в кафе за картами, он заявлял своим партнерам (среди них попадались директора фабрик и инженеры):

— Буржуя останется буржуем. Мы их всех перевершем. Тут не поможет никакая протекция... никакое знакомство...

Михаил Петри, дождался бы умнее партийной газеты и заявил, что разговоры о подпольной работе—праздная болтовня, пустые страхи, что 1-е мая будет праздноваться, как всегда.

11 апреля были запрещены и конфискованы коммунистические газеты, распущены все организации, арестованы лидеры. Больше тысячи коммунистов были высланы из всех городов Румынии, две тысячи терроризированы побоями. Всюду стало тихо.

Михаил Петри снял красный галстук. В течение двух недель никто его не мог разыскать.

Только 25-го он, наконец, оказался дома.

— Товарищ Петри, а как же 1-е мая? Неужели полный провал первомайского праздника?

— Товарищи,—возразил Петри,—надеюсь, вы знаете, что нашей партии пришлось перейти на нелегальное положение...

— Знали ли мы это?... О да, хорошо, очень хорошо знаем...

Пока Петри неизвестно где скрывался, полиция избила и пытала коммунистов.

* Гов. М. Катава—румынский пролетарский писатель, член Международного объединения революционных писателей.

— Необходимо организовать первомайскую демонстрацию!—настаивали уцелевшие товарищи.

— Те, тише, товарищи,—таинственно отвечал Петри.—Имейте терпение. Центральный комитет знает, что делать...

Все притихли и ждали. Только лидер строительных рабочих, товарищ Коош, тихонько заметал.

— Одно я тебе скажу, Петри: ячейка строительных рабочих существует вопрежнему и, как видишь, обходится без твоего руководства. Нас тысяча человек. Это я тебе говорю на всякий случай.

Иначе обстояло дело с лидером молодой гвардии, вождем комсомола Гансом Верь. Этот маленький черноволосый парнишка, работавший в качестве подмастерья у портного, услышав речи Петри, заявил:

— Все это срунда, грустность. Провал 1-го мая... Налецать ни подобног руководства, надо действовать самостоятельно!—и вышел из комнаты.

Верь всегда так относился к Петри, хотя тот всячески старался заслужить его благоволение.

— Вот она, благодарность!—сказал Петри присутствующим в комнате товарищам, и потом прибавил:—Завтра нам придется нелегальные ярмарочки, инструкции. Но не могу же я рассказывать об этом каждому.

Если бы вы знали, что так будет, мы бы сами все оборудовали. Верь был совершенно прав...

30 апреля во всех буржуазных газетах писали:

«В столице происходит невероятные вещи. Полиция поймала четырех коммунистов, переносивших пакки первомайских прокламаций

запрещенной коммунистической партии на типографию во вокзал...»

Петри утешал товарищей:

— Что делать, партийное руководство несомненно напрягло все силы, и все-таки—неудача. Такие факты неизбежны при подпольной работе.

1-го мая Петри замер от удивления, когда к нему явились два полицейских и повели его к начальнику полицейского управления.

Оказалось, что ночью коммунисты нарисовали на всех стенах советские звезды. Красные звезды вспыхнули на стенах. Рядом висели большие плакаты:

— Все на улицу!

— Да здравствует коммунистическая партия!

— Да здравствует комсомол!

Такой же плакат висел на фасаде городской думы. На воротах суда было написано:

— Да здравствует коммунистическое 1-е мая!

Какой-то дерзкий юноша написал мелом на дверях полицейского управления:

Белые плащали!

Третье и четвертое красным 1 мая! В восемь часов утра по городу ходили военные патрули. Но еще раньше, около семи часов, 800 камешков и столько же фабричных рабочих направилась к городской площади и отсюда двинулись с красными знаменами во городку к близлежащему лесу, где устроили собрание. Туда посланцами двинулись два отряда солдат, чтобы разогнать дерзких демонстрантов.

Петри дал слово начальнику полицейского управления что он не виноват во всех этих происшествиях. Он против таких путей, которые являются, несомненно, делом бесответственных элементов и провокаторов.

Петри отпустили, но заявили ему, что дело еще будет расследовано. Петри тотчас же бросился искать Верь.

— Это, несомненно, интрига Верь,—поговоря об этом. Конечно, это его молодой гвардия рисовала звезды, расклеивала плакаты. Это они организовали демонстрацию. Возмутитель!

И вот случайно он сталкивается с Верь на улице. Тот очень удивлен, ничего не знает, ни о чем не принимал участия...

Петри готов лопнуть от злости:

— Вот как! Конспирация против партийного руководства! Посмотрим, что будет дальше! Хорошее выступление, нечего сказать! Демонстрация так быстро прошла по городу, что население ее почти не заметало, звезды и плакаты через полчаса были уничтожены полицией. Это не выступление, а срунда! Северно, то, что рабочие заплатят за это дорого ценю...

Верь с товарищами ушли, не сказав ни слова разгневанному Петри.

Но с этого памятного дня Петри перестал быть не только секретарем отдела, но и членом партии. Просто его перестали замечать. Движение развалилось помимо него.

Через год он вернулся в социал-демократическую партию.

С того времени исчез Верь.

Началось бешеное преследование комсомольцев. 50 человек было арестовано и жестоко избито. Арестован был и Верь, но он изво всех сил ударил полицейского по лицу, вырвал у него револьвер и убежал.

Напрасно полиция обшаривала все окрестности в поисках Верь.

Его больше не видели ни в нашем городе, ни в подпольной организации.

Прошло много лет. За это время молодежь подрастала.

Верь был маленький черноволосый паренек с детским лицом. А теперь от времени до времени в нашем городе появлялся широкоплечий молодой человек небольшого роста со светлыми волосами и ржачими усами. Его зовут Перзер. Он предлагает книжкам магазинам иллюстрированные и модные журналы, репродукции.

— Может быть, это прежний Ганс Верь? Кто знает? Жизнь в подполье так меняет наружность людей...

Перевод с румынского В. Л.

каучхены дети

р. виторов

Лет пять назад автору этих строк довелось сопровождать германскую делегацию молодых рабочих. Это была первая разведка молодого Запада в советский тыл.

Экскурсанты, на три четверти социал-демократы, стулаи по советской земле недоверчиво и боязливо, точно они вот-вот треснут и провалится у них под ногами, а на каждого из них, их спутников, смотрели с таким изумлением, мольбой и ужасом, словно мы собирались проглотить рагу из их потрохов или проглотить их живьем. Исключение составляла только та четверть, которая не носила социал-демократического билета, — те были убеждены, что их не съедят. Нельзя было без улыбки наблюдать за этой картиной.

На одном перегоне в куте ко мне постучался Вальтер Гебих, саксонец, самый молодой из делегатов и единственный среди них беспартийный. Мы развернули шахматную доску. На двенадцатом ходу, когда мы рокировали, Вальтер, отодвинувшись назад и указывая на ладью, пробормотал вдруг вполголоса:

— Скажите, все-таки, они у нас без динамита?
Согласитесь, это был очень хороший повод, чтобы поговорить по душам. Через несколько минут мы болтали с ним, как закадычные приятели. Партия осталась, правда, недоигранной, но я не могу пожалеть об этом. В этот вечер Вальтер раскрыл мне тайну своей робости и испуга. Она была запечатлена на тридцати шести страницах брошюры, которую он вытаскивал из своего бокового кармана и которую носил бережно, как амулет.

Я обратил внимание на обложку. От нее несло стынью, бужениной и самодовольством. Я раскрыл первую попавшуюся страницу и захопнул ее, не дочитав до конца.

— Одно из двух, — решил я, — или эти органы умышленных, или это те страшные сказки, которыми страдают баловней, когда они не пьют рыбий жир или страдают от недержания.

Как же иначе можно было понять басы в стране людоедов, где посядают детей, меньшевиками греют паровозные топки и из поповских волос делают зубные щетки? И как Вальтер, двадцатилетний Вальтер мог поверить подобной брехне? Я решил проверить себя и погнуздаться к обложке.

«Арбейтер-Югенд» — прочел я.
Как? Я не поверил себе. И снова, вчитавшись в каждую букву, урел предательское «Арбейтер-Югенд».

— Ну да, — поспешила мне на выручку Вальтер. — Это журнал нашей социал-демократической организации... Впрочем, — добавил он помолчав, — начнем лучше новую партию.

Так состоялось мое первое знакомство с этим молодым отпрыском «Фюрерства». Через несколько дней существо его мне открылась еще яснейшей. В Гвруни делегаты высказали пожелание ознакомиться с нашим тюрьмами. Их интересовал режим заключен-

ных. В частности, политических. И вот в Метекском замке встреча двух поколений меньшевиков. Делегаты поражены. Светлые, сухие, просторные камеры. Свежие упитанные физиономии.

Лео Фридаман, ожидаяй сенсаций, обращаясь к заключенным, простодушно выпаливает:

— А почему вы не в клетозетах?

— ??

— У нас пишут, что меньшевиков содержат в клетозетах по гороу в ледяной воде. Почитайте-ка вот! — И Лео протягивает заключенным свежий номер «Арбейтер-Югенд».

— Что за чулуа? — смущенно мямлит грузин. — Трнадцать тысяч расстрелянных! Пять тысяч заключенных! Это в Гвруни-то? Послушайте, зачем эта брехня? — И он брезгливо возвращает журнал.

— Можно позавидовать. Вы знаете, можно позавидовать, — говорит мне комсомолец Гофман. — Я сидел в Роттенбургском шпифте, в Вайдингене, в Гоген-Амберге, — я не знал таких камер. Это были отвратительные вонючие одиночки. Чахотка? Это отсюда. И плечо (он виновато опускает глаза). Раздробленное плечо тоже отсюда... Они вышли, делегаты, из этого полукасового заключения в Метекском замке «друзьями ЧК», прозвирши навсегда. Недаром по приезде их исключили из союза.

А журнал? Его подобресли в места, которые он живописал с такой подробностью. Кто знает, может быть им пренебрегал даже там!

Присядь дить лет. Исторический перегон небывалой силы. Я вспомнил о Вальтере, Гофмане. Лео. Где-то они сейчас? В какой одиночке? И в который раз? Вспомнил и про страницы, которые пахли бужениной. После пятилетнего антракта мне закатилось с ними встречи. Позвольте мне отгичиться в ней. Она состоялась совсем недавно, на этой неделе, и продолжалась едла ли больше двух часов. Каюсь, больше я не выдержал.

Первый попавшийся мне в руки номер судил немало ликантного. Он открывался «двенадцатью заповедями», которые носили соблазнительное и гордое название:

«Мужачин! Вот мудрость жизни».

Вот она — социал-демократическая мудрость для социал-демократических мужачин!

1. Пей и кури, как только можешь. Лучше использовать свое время и средства ты не можешь.

2. Преждевременной выпивкой и курением ты доказываешь свою мужественность.

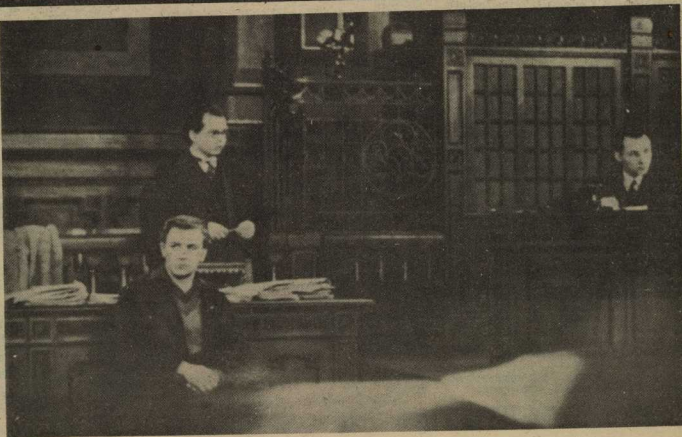
3. Только курение вкушают нежизненные и сладчайшие ароматы в лесу и поле! Только пьющему, у которого алкоголь развивают сердце, мозг и язык, — открываются тончайшие движения человеческой души.

Нужно ли говорить, что десять остальных заповедей — варианты этих? Алкоголические мудствования занимают целую полосу. Впечатление, что к алкогольной кампании СИМ печатает свои лозунги. Впечатление не стирается от того, что авторское право на заповеди заявлено Куртом Гейльбутом.

Дальше читатель получает целый ряд других полезных советов и наставлений — как выпивать лобиком всякие безделушки, как приговаривать сливочные вафли и выплясывать танцы сезона — молодой рабочий не должен отставать от жизни.

Одним словом: пей и жри вволю, но не занимайся политикой! — Излюбленная ветхозаветная мораль социал-демократических боин и гвернаторок.

Суд над
молодым рабочим
в Берлине,
назвавшим
Цингилей
убийцей

Не будем грешить, однако, против истины. Здесь не забывают и про политику. В мартовском номере, например, мы находим статью о Парижской коммуне. Автор напоминает о катакомбах трупов и решительно предостерегает молодежь от «лугитических увлечений коммунистов». Коммуна поноится. Зато правительство Брюнинга воспевается в стихах. Самым буквальным образом.

Не все—куча громких фраз.
Конституция? Это—собственно мы.

Лучше не скажешь! Конституция Брюнинга—это, собственно, их конституция.

«Как поют старики, так плачут и дети»—социал-демократические недорослы не отстают от своих папаш. Неаромо деятельным сотрудником журнала состоит сам Кауцке. Вместе с ним на страницах журнала našла себе приют наш старый знакомый Петр Гирин. В четыре руки они разглагольствуют каниту предательства и измены. Их оставшиеся интвенционалистские распри гармонизируют со всем тоном журнала. Это тон выдерживается и в библиографии. О, здесь виден зоркий заботливый глаз. Социал-демократическая жвачка претит молодежи. Ей хочется свежей, живой правды о нашем строительстве, о нашей борьбе и победах.

— Вам о советах?—суетятся меньшевистские Чего-Изювины. И они услужливо предлагают:

— Беседовского, Троцкого, Истрати—изгнанников революции и тех, кого она поставила вне закона.

В одном из номеров я встретил рецензию на «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина.

— Что за чудо?—подумал я.—Уж не пропаганда ли ленинизма на страницах этого меньшевистского журнала?

Удивление мое было по меньшей мере преждевременным. Какой-то выскочка, предусмотрительно скрывший свое имя, высунул с полемикой против Ленина. Основную философскую работу Ленина, перловский образец применения диалектического материализма, он обвинил,—в чем бы вы думали?—в кантианстве. Я вспомнил тут фразу Гете, которую в борьбе с врагами любил иногда повторять Ильич:

— Что ни слово—то ночной горшок, и притом не пустой...

С каждой минутой я чувствовал, что терпение мое иссякает. Журнальное меню становилось слишком однообразным. Острые блюда приправлялись все одними и теми же приправами ненависти, клеветы и прямых призывов против советов. Я понял, что прошедшие пять лет мало изменили лицо этих шалопаяв.

Я решил попорочиться с «Арбетер-Югенд», чтобы больше с ним не встречаться. Но тут под руку мне попался его политический сверстник «Юнгсоциалистшер Блеттер». Я решил, что время и без того потеряно, и дал ему выражать еще почва из своего бюджета. Но он подозрительно походил на своего товарища. Было видно, что они вышли из одной утробы. Та же врозь, те же помой, те же призывы. Я отложил меня в сторону газету, но несколько строк петики задержали меня и привлекли мое внимание.

Это было письмо в редакцию некоего Гейльмана. Чрезвычайно поучительное письмо. Автор взялся разрешить «легенду о Либнекхте». Какими только эпитетами он не награждал пламенного Карла: «убийца рабочих», «раскольник», «большевик». Прямое оправдание убийства Либнекхта кончалось заявлением столь же лаоциничным, сколь и резким:

— Я иду к Гинденбургу.

Большой последовательности, собственно, и трудно требовать от социал-предателя. Но угроза Гейльмана не на шутку напугала кауцкиных детей. Они, разумеется, и не думают брать нож самою защиту Либнекхта—максимум дни! Зато с каким увостром они целяются за фалды фашиста! Упустить его—это слишком большая, непоправимая потеря. Но покурить парня надо. К этому обязывает социал-демократическая марка.

«Если наши вожди—сетует редакция,—не стесняются обращаться с такими письмами к молодым товарищам, неудивительно, что молодые избиратели бегут от нас толпами.

Да, да, бегут толпами! И не к Гинденбургу, конечно, а к Либнекхту и под его знамена. За последние недели комсомольские шеренги пополнились десятками и сотнями новых бойцов. Они продали жесткие билеты социал-реформизма и от лобикоз и фантов перешли к борьбе с своими вращшими единомышленниками и оекунами.

Перебежчики множатся с каждым днем. И каждый день ширит трещину в рядах СИММа. Ядом коммунизма заражены не только отдельные организации, —целые организации. Не так давно за политическую неблагонадежность распущены крупнейшие организации Лейница и Берлина. В печати раздаются растерянные голоса: — А не закрывать ли нам лавочку?

— Но молодые рабочие не больше-то дожидаются, пока обескураженные Гаметы решат свое—«бить или не бить».

В Дортмунде прозвучало на-днях мужественное и гордое заявление.

— Я иду к коммунистам. Я выхожу из «партии броненосных социалистов. Я не успокоюсь раньше, пока не поеду за собой всех товарищей.

Эдди, родился недосоконно. До четырех лет его носили на подушке. У него было уродливо разоршился череп. Такие бьзают у больших водяников. Только на четвертом году он научился со-образать...

Маленький Эдди—это будущий Эдуард Бернштейн, стол со-гласительства, ревизионизма и измены. В этой маленькой биографической подробности символизируется весь облик и вся судьба социал-интервентов. Шупленькая, бескровная, дегенеративная фигура Олендера—СИММовского вождя—дополняет и развешает эту символику.

Рахитичная голова СИММа трещит и распадается, как скалы. Его кривые уродливые ножки подкашиваются и терпят твердость. Еще немного, и коммунистическим ураганом он будет сброшен в навозную кучу истории.

Вместе с его подушкой—печатля.

Неисомовская демонстрация на берлинских улицах в дни всегерманского съезда молодежи

НЕФТЬ

5 2 1/2 В

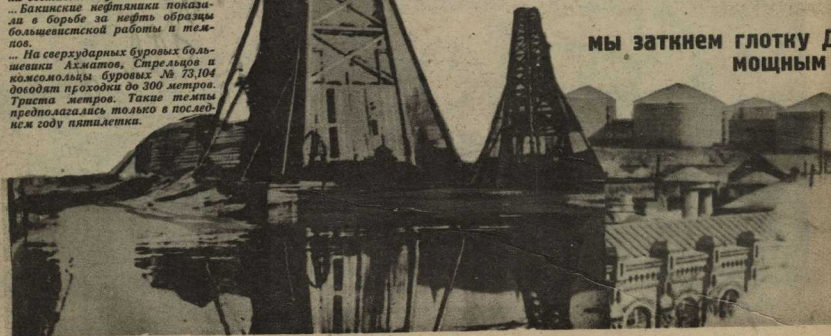
.. Нефтяная пятилетка усиленно рабочими и специалистами под партийным руководством Ленинской партии закончена в два с половиной года. Средняя месячная добыча в последнем году пятилетки намечалась в 1,168 тысяч тонн. А мы уже в марте текущего года дали 1,158 тысяч тонн и в апреле дадим 1,252 тысячи тонн. Скорость бурения на станках в месяц, в последнем году пятилетки намечалась в 118 метров. В 1931 году скорость проходки составляла уже 158 метров.

... Бакинские нефтяники показали в борьбе за нефть образцы большевистской работы и темпов.

... На сверхударных буровых большиевки Ахматов, Стрельцов и комсомольцы буровых № 73,104 доводят проходки до 300 метров. Триста метров. Такие темпы предполагались только в последнем году пятилетки.

мы заткнем глотку Д
МОЩНЫМ

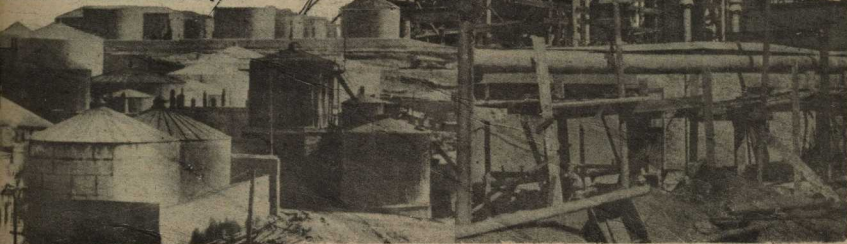

... Вступая во вторую нефтяную пятилетку, заверяем ЦК нашей партии, что будем работать еще с большей энергией и гораздо более быстрыми темпами.

(Из коллективного рапорта бакинских нефтяников).

ердингу
оком советской нефти

Милана Вадимов Степанов

лучший ударник пролетарской литературы

Максим Горький—один из величайших писателей современности. Выдающийся рабочий писатель первые годы литературной учебы в условиях голодовки, он упорным трудом, железной настойчивостью преодолевая преграды, ставившие таинственным самоучкам царской России, вошел на равные сочинявшие вершины мировой культуры. Но сила и обаяние Горького не только в его стихийной мудрости и опыте. Неотъемлемая привлекательность творчества М. Горького для рабочих, для трудящихся, для тех, кто угнетается в капиталистических странах и кто возмущается и бодростью социалистического общества,—для всех нас притягательная сила Горького в могучем революционном пафосе его таланта.

Творчество Горького не похоже на те образцы высокого искусства, которыми можно спокойно любоваться в музейных кукольниках. От «Иеси и буревестника до захватывающих картин 1905 года в «Книге Самгине»,—все произведения Горького отличаются хром революцией, революционным восприятием действительности. Революционная природа горьковского таланта, протестующего против уродливого строя капитализма, который подавляет самые лучшие инстинкты и устремления в огромных массах человечества,—истинно наша, потому что путь пролетарского художника-революционера, избранный им, не может иметь иного направления.

Максимом Горьким рабочий класс СССР в праве гордиться как своим кровным писателем, как подлинным сыном пролетариата, борющимся на фронте литературы. Отличие М. Горького, писателя пролетарского, от мелкобуржуазных протестантов, хотя бы от того же Романа Роллана, идущего довольно решительно навстречу идеям коммунизма,—в том, что Горький никогда не пытался стоять «в стороне от схватки».

Последние годы Горький часто выступает как публицист, со статьями, разоблачающими пританцовывающего классового врага, вскрываю-

щими гниение в капиталистическом обществе, увлекающими бодрым показом побед советских пролетариев на дальнейшее наступление по всем фронтам социалистической стройки.

Истинный Горького вооружает на борьбу с мешатством, как «мировоззрением озлобленного собственника, теснимого социализмом. Он сразу борется с предрасда мелкобуржуазный индивидуализм, противопоставляющий ленине интересам, неудачную карьеру, мелкие, дрянные старания подлинным, правильно понятым интересам личности, борющейся и строящей в классовом пролетарском коллективе. Горький бьет по бескультурью, выволакивая на уныи незадачных литераторов, разрывая невежества, распространителей халтуры. Горький жадно следит за мельчайшими сдвигами в культурном и хозяйственном росте нашей страны и приветствует каждый свежий росток социализма, попадающий в его кругозор. Горький мужественно и сурово выдвигает против заветнических выводов по адресу СССР, против рывных поджигателей войны и интервенции, едко разоблачая лицемерие всех этих пап, епископов Дерзких и прочих отцов церкви, расточающих алмазы, бриллиантами. С изумительной зоркостью М. Горький следит за движением пролетарской литературы, в особенности за теми писателями, которые вышли из глубы шахт, из-под заводских мостов, из колхозных и батрацких хатенок.

Особое место в публицистической работе М. Горького занимает та часть переписки писателя, которая им публикуется. Горькому пишут много. Пишут друзья, шлют свои пропитанные отравленной слюной письма классовых врагов. Отвечая злопыхателям, Горький сокрушительно поводит их. Материалом для наглядного урока подлинному, уроку для миллионов. Разговаривая с друзьями, Горький использует каждый факт, сообщаемый в письмах для того, чтобы шире, гуще осветить действительность СССР. Не даром именно М. Горький явился инициатором журнала «Наша дости-

жения, который должен давать своеобразную панораму побед социалистической стройки.

Таков сегодняшний Горький, член ЦИК, состоящий в переписке с десятками рабочих и крестьян, мировой писатель и неустанный пропагандист идеи социализма, идей пролетарской революции, с помощью которой расчищается дорога в социализм.

Горький—друг Ленина, пользовавшийся его большой любовью и в течение десятилетий поддерживавший с ним близкие отношения. Горький—отзывчивый преподаватель, заботливый наставник молодых талантов, помогающий и одобряющий советами едва ли не большинство крупных советских писателей. Горький, чье имя носит десятки и сотни центров, тысячи униц, клубов, десятки учреждений, знаком каждому грамотному рабочему и крестьянину как свой, понятный, интересный писатель. Это все грани одного и того же облика писателя-революционера, верно служащего делу социализма, делу борьбы за освобождение народов ина тузов и магнатов капитала отем миданово рабочих и трудящихся.

Неизвестно к несходящему, загнаношему миру капитала, преданности первому в мире рабочему государству, могучей вере в творческие силы рабочего класса и, вместе с тем, безжалостному разоблачению лениного бескультурья, самодовольного невежества, умелно битая за культуру,—всему этому должно учиться у Горького молодежь рабочего класса. В биографии Горького она может найти богатый запас фактов, показывающих, в каких тяжелых условиях рос этот великий писатель. Суровая школа жизни не сломила М. Горького, не толкнула его в ряды иттыков. Писатель сумел сложиться с авангардом рабочего класса и пройти с ним большую часть своего жизненного пути. Учитесь у Горького—значит учиться у подлинного писателя-революционера, у ирчайшего знаменца идеи социализма в художественной литературе.

давайте станем
живым конвейером
от вснх до чернорабочего

стихи в. лозина

Планировка Пятидневка
У комсомольца—кишка не тонка
и ум не заходит за разум.
Он план доведет до станера
и наивный станок загрунт доотназа.
Довольно размахивать руками, как веером:
мол, иету машин,
материала и прочего...
Давайте станем живым конвейером
от ВСНХ до чернорабочего!
Идет иттыковье под стосечечным светом,
подставив лысину
под абажур голубой.
То, что придумал директор в кабинете,
должно быть известно уборщице любви.—
Тан сиязель рабочая мелодия,
и наивный станок на моллой Невке.
Она сиязель: даешь
в цехах плановую пятидневку.
Еще нив Обломов
Илья, пока
Иван съедается на Петра,
а Петр съедается на Ивана...
Привет комсомольцам
«Электрики» и «Большевики»—
застреленные
пятидневного плуема.

**Всюду нужны
хозяина глаза**
Миллионы метров страна запросила—
в иттыковье элетротрасса:
обмотчик, разметчик, сборщик машин,
токарь, слесарь и слесарев сын.
Нужно, чтоб рабочий на ус наматол,
как беречь бензин и металла.

**Обязуи, прикни, подсчитай, отмеряй,
следи, чтоб реза был привлен ход.
Тан иначинался война с потерей—
точнейшая стружка балась на учет.
Правда, нине суждальи иначе
в теплой компании
за бутылкой вицна,
не комсомольцы-ударники поставили задачу!
—ни одной капельки
пропущено самцна.
Ни одной досточни, не приштои и делу,
чтоб гвоздь задаром не умирал.
Тане люва по стране загудели—
на них отозвались Дюббас и Урал.
Июкомольца,
стоишь ли ты у бетономешални,
на тонарном ли стане
обтачивашь юрпуса,
в кладовой, на фабричном дворе, на свалке—
всюду нужны хозяина глаза.**

Комсомольцам Балтиского завода
Танал братав ниногда не подмачает,
танал братав ниногда не поддевет,
если она промфицплав истречает,
тан, как истречает Балтиский завод.
Истину эту запомины прочно,
буден клепать
и новать сверхурочни,
чтоб сердца юлотпальси
одно в одно—
большевистской гордостью
за намдое судно.
Бей кувалдой полуочую жалобу,
комсомольцы-балтисцы,
победа видна.
Смотрите, она уме входит на палубу
ванн построеного судна.

кардинальская месса

рассказ валерия санчева

...сам кардинал с огромным деревянным крестом в руках

Кардинал ¹ Марчелло ди Сагго-Капо жил в Риме. Вернее, даже не в Риме и не в Италии, а в огороженном каменной стеной и железными решетками Ватикане, папском царстве в центре «вечного города» ². Кардинал, кутаясь в красную мантию, гулял по ватиканским садам и паркам, наслаждаясь на папском приезде тысячей работоргующих перед наместником Петра на земле католиков, и редко отлучался из Ватикана. А на обширных полях и виноградниках кардинальских имений, разбросанных по всей северной Италии — в Пьемонте, Лигурии, Ломбардии и Эмилии — сотни крестьян и крестьянок гнули спины, возделывая землю или обрабатывая из гидрантулов ³ парижской зеленью и собственным потом зараженные филлоксерой ⁴ зеленые виноградники.

Кардинал редко бывал в своих имениях. Вместо него, куда насаждал его брат, сипор Антонио, один из лучших в Италии наездников и друг самого дуче ⁵, и именем господина, кардинала и полиции выколачивал из батраков и арендаторов засаженные и измятые тысячи, тысячи боченки вина, тысячи корзин винограда, тысячи ящиков лимонков и апельсинов. Эти объезды кардинальских имений были, в сущности, единственным занятием Антонио ди Сагго-Капо, так как все остальное время он посвящал конским прыжкам на римском ипподроме, кутежам в перловских ресторанах и латегическим развратам чести короля и дуче.

В кардинальских имениях приезда его всякий раз ожидали с трепетом и страхом. Он никогда не приезжал один, а всегда в окружении десятка чернорубашечников и двух десятков карабинеров: ни латегические речи в честь дуче, ни имя Мадоины и всех двенадцати апостолов не могли заставить крестьян-арендаторов отдавать Антонио ди Сагго-Капо последних грошей, и только при помощи карабинеров, прикладывая из коротких ружей и резиновых палок чернорубашечникам молодого брата кардинала, удалось выколотить из них вассалов высокую арендную плату.

Особенно трудно было сипору Антонио собирать подати в кардинальском имении Логаччио, под Падуей. Это имение, охватывающее семь деревень и огромные пространства земли, два года подряд страдало от неурожая. Какой-то новый, еще неизвестный в этих местах паразит уничтожал виноград, и вся парижская зелень, ни белый мышкал, ни даже сулема и квасина не спасли виноградник от истребления. Арендаторы были совершенно разорены. Они продали за себя последнее, чтобы заплатить агроному за советы, но и те им, в сущности, ничем не помогли. Тогда многие, особенно молодежь, ушли в город и поступили на фабрику. Они получали гроши за своей каторжной труд, но даже это было больше, чем они могли получить от обещанных паразитам виноградников.

Среди ушедших в город были и оба сына арендатора Круцци — Альберто и Гумбольд. Обои вместе им не было и сорока лет, но заработком своим они должны были содержать всю семью: отца, и мать, и целую кучу чумачиков и курчавоусых братьев и сестер.

Город их встретил неприятливо. Много сотен таких же разоренных неспособной арендной платой и налогами крестьян пришло в город и в поисках заработка обивали пороги фабрик и мастерских. К тому же, они умели только возделывать землю, ухаживать за виноградниками и, босыми ногами прыгая в бочке, выжимать из сочных

виноградных гроздьев сладкое и пенистое вино. Всех этих знаний не требовалось в городе: там нужны были слесари, плотники, машинисты и механики. В городах вино из винограда выжимали прессом и музыкальные инструменты только посылками и почтой. Тем не менее, братья Круцци нашли работу: они поступили на кожевенный завод ватиканских крестов, где дубильный ботэ эта была не из легких, и не только потому, что приходилось почти на четверных полоти, изгибався под тяжестью огромных бычьих шкур, но, главным образом, оттого, что разлагающаяся на кожах провоз и гниющая мезара издавали противный, одурманивающий запах, от которого даже у привычных людей голова кружилась, появлялась тошнота и рвота. Привыкшие же к свежому воздуху полей братья Круцци особенно страдали от этого ужасного запаха. В первый же день к контору братья они свалились без чувств и пришли в себя уже в коридоре, куда их вытащили из дубильного помещения товарищи по работе и привели в чувство, обливая их водой из ведра.

Альберто Круцци, который очутился раньше брата, увидев над собой склоненное лицо молодого парня с большими черными глазами, римским носом и шрамом над верхней губой. Когда Альберто открыл глаза, парень улыбнулся и покровительственно хлопнул его по плечу:

— Этот уже готов. Получил боевое крещение. Молодец! — сказал он столпившимся вокруг дежурным братьям рабочим, и добавил, обращаясь уже непосредственно к Альберто: — Молодец, теперь можешь поступить хоть в свиту самого дуче...

— Никогда! — вскричал Альберто и вскочил на ноги: — Никогда я туда не поступлю...

— Тыше, ты, тыше... — улыбнулся еще шире парень, отчего шрам на губе его стал еще больше и темнее. — Таких вещей громко не говорят... если не хотят попасть на остров ⁶...

Между тем открыл глаза и Гумбольд и глядел в изумлении.

Синикот, возмещавший окончание десятидневного рабочего дня, заставил его быстро подняться с пола, и немного пошатываясь, как больной, впервые подивившись с постели, он направился к воротам.

Братья Круцци вышли на улицу, но не успели они свернуть за угол, как их окрикнул парень с расчесанной губой:

— Ало, ребята, откуда вы?

Братья остановились:

— Мы из Логаччио, — ответил Альберто. — Там имение кардинала ди Сагго-Капо.

— Ах, вот как... — улыбнулся парень. — Со святой земли, значит?

— Будь она проклята эта святая земля, с которой надо бежать в вонючую берлогу, чтобы не подохнуть с голода, — отозвался Гумбольд, который все еще ощущал вокруг себя отравительный запах дубильной.

— О-о-о-о! — рассмеялся громко парень и добавил тише: — ты, я вижу, как будто бы принадлежишь к тем, кто совсем несчастлив в нашей смачливейшей стране?

Братья переглянулись и прочли в глазах друг у друга немой вопрос:

— Друг или шпик?

Парень перехватил их взгляд и как будто бы прочел их мысли. Он тряхнул черными волосами кудрями и, хитро прищурившись, спросил:

— А что, если я вас приглашу с собой к кашпуну полиции?

Это внезапное предложение произвело на братьев ошеломляющее впечатление. Они опе-

шили от неожиданности и не могли найти слов. Только широко открытые глаза с остолбеневшими зрачками и отвисшие нижние челюсти засвидетельствовали их изумление. Первым нахлест Гумбольдо. Он с кошачьей ловкостью накинута на парня и схватил его за шиворот, а другой рукой, крепко жамочкой в кулак, замкнулся...

Но парень оказался еще ловчее. Он ужом выскользнул из рук Гумбольдо и, отскочив на несколько шагов, вдруг расхохотался, по-мальчишески сделал пальцами длинный нос и выкинул ногой паг. Но через мгновение он принял прежний серьезный вид и подошел снова к Гумбольдо с протнутой ружей:

— Не дерси! Я просто хотел вас испытать. Ты мне кажешься хорошим парнем.

Удаленные такой быстрой переменной братья Круцци показали протнутую ружей.

С этого же дня братья Круцци блежо сошлись с Фелиппо Гинни (так звали парня с расчесанной губой), чему по вечерам после работы заходили к нему домой, в каморку на чердаке большого, населенного городской беднотой дома, и по несколько часов подряд сидели у него, слушая бесконечные рассказы.

Рассказы Гинни сперва казались им странными. У себя в Логаччио они часто слышали рассказы стариков о прежних войнах, о завоевании Италии Наполеоном, о походе Гарибальди; безогни инвалид сержант Стефано Гацца, участник мировой войны, рассказывал о захвате под знаменами Габриэля Д'Анжуньо города Фуме и разгроме австрийцев, сельский учитель любил рассказывать о полете генерала Нобиле на Северный полюс. Но никогда братьям Круцци не приходилось слышать о существовании классов, о классовой борьбе и исторической роли пролетариата. Сельский учитель рассказывал им о России, о том, что в этой стране лютых морозов дикие народы установили какую-то свою власть, которая позволяет всем грабить и убивать. А от Фелиппо Гинни они узнали, что там такие же рабочие, как они, совместно с христианством установили свою власть, чтобы уничтожить рабский труд, нищету, голод и войны.

Фелиппо Гинни умел мастерски рассказывать: даже сухие и скучные на первый взгляд темы он делал увлекательными и занимал ими своих слушателей. И вскоре, сами того не замечая, братья Круцци прошли хорошую школу политического воспитания и научились разбираться в вещах, которые до этого были для них тайной за семью печатями.

¹ Кардинал — высшая ступень церковной иерархии у католиков.

² Ватикан — государство папы римского, расположенное в Риме — «вечном городе».

³ Гидрантулы — аппарат для орошения земель.

⁴ Филлоксеры — род тли, вредитель винограда.

⁵ Дуче — название лидера итальянских фашистов Муссолини.

⁶ Большинство итальянских террей в Италии расположено на островах, поэтому в предположении о том, что остров в Италии означает — попасть в тюрьму.

— Ну? Говори! — живо подхватили Карраччини и Фела.

— В деревне Логачино, в поместье кардинала ди Сагго-Капо... — и Гумбольдто изложил им свой план, который вначале был встречен с недоумением, а когда он повсюду, — душами и добротой, с восторгом принят.

Гумбольдто вернулся в деревню с перевязанной рукой. Старик Круци с сокрушением рассказывал соседям, что сын его попал рукой в машину и ему сильно помяло ее. Соседи жалели вельщика Гумбольдто, советами обратились за помощью к местному врачу, который успешно заговаривал и зубную боль, и выпадение прямой кишки, и чешотку, и долго возмущались порядками на фабриках, где так легко здоровому человеку превратиться в беспомощного калеку.

Гумбольдто прибыл в Логачино не один: вместе с ним в деревню приползла шкура, что-то нарядное в свое поместье прибудет сам кардинал Марчело ди Сагго-Капо.

И действительно, через пару дней в Логачино появилось несколько молодых людей в черных рубашках, про которых деревенские жители говорили, что это не певчие кардинальского хора, не то молодая фашистская гвардия — охрана кардинала. К вечеру же в экипаже, запряженном четырьмя лошадьми, как подобает отцу церкви, пригрозившему австрийцам и асо ступу иерусалим, в Логачино прибыл сам кардинал. По крайней мере, большинство крестьян видело, как из экипажа вылезла, опираясь на плечи услужливых юнцев в черных рубашках, высокая и худощавая фигура в красной мантии-халате. Старик-крестьянин, протиснувшись к кардинальскому карете, удостоился благословляющего жеста кардинальской руки, а одному из них, старику Петр Банни, удалось даже коснуться рукой края мантии и он тут же дал себе обет чистый месяц не умывать рук, чтобы дольше сохранить на них след этого прикосновения.

Прямо из кареты кардинал проследовал в капеллу¹, старинной архитектуры деревянное здание, помещавшееся в самой гуще зеленого парка, возле помещицких усадеб, и вскоре оттуда выехали в экипажах несколько кардинала юнцы в черных рубашках. Двое из них остановились у дверей капеллы в виде почетной стражи и помешали проникнуть внутрь нескольким наиболее религиозным старикам, устремившимся вслед за кардиналом.

— Ну, нехорошо! На кардинальскую мессу² допускаются только избранные. Завтра будет обедоступная месса.

И крестьяне, проникнувшие еще большим уважением к мессе, на которую их не пустили, отошли в глубь парка, чтобы надали нравственно выход кардинала. Но в расчетах своих они ошиблись. Они прождали до поздней ночи и с таким же успехом могли продать до утра: кардинальская месса не прекращалась. До следующего полдня пробыл кардинал в деревне, завывая надсадно в охотничьих костюмах, с ружьями, воткнутыми в кобуры у седла. Это был кардинальский брат, сеньор Антонио ди Сагго-Капо, решивший соединить помысленно с приятным: одновременно со сбором аркадий плат³ посылать в парк в Логачино.

Первым попался навстречу всадникам сельский учитель. Он подобостроился склонив перед сеньором Антонио свою лысую голову и предупредительно, желая сделать приятное всемогущему брату кардинала, сказал:

— Кардинальская месса все еще продолжается. Вы как раз посидите, сеньор, к «Аве Мариа»³.

— Кардинальская месса? Что за чушь! — сеньор Антонио изумленно переглянулся со своими спутниками. — Какая месса? — оберну-

сь он снова к учителю. — Что вы там болтаете, старый хряк?

— Я говорю итальянским языком, — попоробовал обидеться учитель, но тотчас же спохватился: он вспомнил, что не принадлежал к фашистам и очень легко мог потерять свою должность. — В капелле идет кардинальская служба. Со следующего дня...

— Со следующего дня? Кардинальская месса? Кто же, чорт вас подери, слушает?

— Конечно, кардинал.

— Кардинал? — это вопрос вырвался одновременно из нескольких глоток. — Не может быть?! — добавил сеньор Антонио и пробормотал про себя: — Со следующего дня служил? Это так не похоже на брата...

Сеньор Антонио молчал сами про себя. Я собственными глазами видел кардинала...

Сеньор Антонио шепнул несколько слов одному из своих спутников — сядоусому майору фашистской гвардии и быстро соскочил с лошади. Вслед за ним спешившись все остальные охотники и бродяги повоевать отпущенному учителю. Затем все они под предводительством сеньора Антонио и майора направились в парк к древней капелле.

Несколько крестьян поленились сесть в надежде также попасть в капеллу. Юнцы в черных рубашках, охранявшие вход в капеллу, заметили приближение охотников и скрылись в дверях капеллы.

Через несколько мгновений, как раз когда сеньор Антонио и его спутники подошли к капелле, двери ее со скрипом распахнулись настежь и со ступенек быстро сбегал сам кардинал с огромным деревянным крестом, стоявшим раньше в алтаре в нише перед статуей святого Петра, в руках, а за ним — все его молодые спутники, вооруженные каждый чем попало: кядями, хорунами, посохами и просто кусками дерева. Размашистая своим странным оружием, кардинал и его свита, щедро раздавая направо и налево удары крестом, хорунами и посохами, пробил себе дорогу между спешившими охотниками и с дикими криками помчался по парку к деревне.

Крестьяне, следовавшие за охотниками, с широко раскрытыми глазами наблюдали невиданное зрелище: размахивая огромным крестом, бежал кардинал, распутив по ветру помы своей красной кривляти, а вслед за ним мчался в хорунах и посохах и кядями. Это крестный ход, как сообщили, промелькнул в глазах оцепеневших крестьян и скрылся в парке.

Такое же видение мела и сельский учитель. Помня святых, чорта и апостолов, кардинал вырвал из его рук повоеда коня и, вскочив на него, умчался его хвостом, бросая по пути свое церковное вооружение.

Учитель от испуга присел в дорожную грязь и, протирая глаза, глядел вслед облачку пыли, подбитому копытами коней, и разбегающемуся клокочу яркой материи — кардинальской мантии, постепенно скрывающимся за горизонтом.

А в это время сеньор Антонио, потирая рукой жвакан на лбу, держал в руках забытый в алтаре клокоч бумаги с незаконченными соображениями.

Сядоусый майор фашистской гвардии, кося запятым от ушиба глазом через плечо сеньора Антонио пречел:

«О всей рабочей молодежи Падуи!»

Заканчивая свои работы, первый Падуанский окружной съезд коммунистического союза молодежи Италии, приглашенный в условиях кровавой фашистской диктатуры Муссолини и его окружения, собрался в последние дни февраля в пыльном и знойном приврате рабочей молодежи и берет ее...

Здесь рукопись обрывалась. Приезд сеньора Антонио помешал съезду закончить составление призыва к рабочей молодежи Падуи.

Впрочем, это воззвание было составлено днем позже в одной из рабочих казарм Падуи: пробой, устроен в это время, бешеной скачкой делегатов съезда из Логачино к железнодорожной станции.

Февраль, 1931.

но всей рабочей молодежи Падуи...

От разговоров о классовой борьбе Фелипо перешел к рассказам о комсомоле и однажды вечером, показывая им красненький ярлык, который он извлек из-за подкладки пиджака, сознался:

— Вот это членский билет комсомола. Я — районный организатор.

О наступлении братьев Круци в комсомол никаких разговоров не было: как будто бы по молчаливому уговору это подразумевалось само собой. В этот вечер братья ушли от Гонни с определенными заданиями и уже на другой день у себя в дубовой избе исподтишка вести среди нескольких молодых рабочих революционную работу. Теперь уже встречали братьев Круци с Гонни стали более редкими: из конспиративных соображений они перестали бывать у него на квартире, а ставившая с ним на заводе, на людях старшая казалась незнакомыми.

За пару месяцев работы на заводе Альберто Круци удалось вовлечь в подпольный кружок двух ребят, а Гумбольдто, который не ограничивался одним только кожевным заводом, быстро завладел связью с молотками работниками соседней табачной фабрики и из трех наиболее развитых девушек сколотил комсомольское ядро на табачной фабрике.

Фелипо Гонни похвалил его работу: девушки в подпольной организации были большой редкостью и вовлечение в комсомол каждой девушки считалось большой победой. В глазах Фелипо Гонни Гумбольдто был хорошим организатором, и, может быть, поэтому он как-то предвзято относился Круци вступив в комсомол по организации подпольного съезда комсомола Падуанского округа. Гумбольдто с радостью принял это приглашение и через пару дней в задымленной комнатке маленькой кофейни возле вокзала встретился с остальными двумя членами комиссии — Горацио Фела и Иеронимо Карраччини.

Я предлагаю устроить съезд в городе, — высказывался Карраччини. — Здесь приезд негемет заветы и полиция не успеет ничего разнюхать.

За то после съезда каждого в отдельности как в миссионерский снаряд на вокзале, — возражал ему Фела. — Нет, если организовать съезд, то только в поле, в лесу, где-нибудь в деревне, чтобы легче можно было бежать, скрыться...

Чтобы избежать соблазна сразу замелта чужих, приезжих, — взвешивал закончав Иеронимо. — Чтобы всякий деревенский соляк по одному только следам определял, сколько делегатов прибыло и куда они направлялись?

Фела беспомощно развел руками:

Ну, что же, по-моему, надо съезд созывать в поле?

Фела и Карраччини долго спорили. Гумбольдто присутствовал к их спору не произнося ни слова. Мысли в это время беспомощными мыслями скрывались в его черепной коробке. Наконец они построились в цепь, сформировались в стройный план.

— Товарищи, — прервал спорящих Гумбольдто, — меня, кажется, есть подходящее место,

¹ Капелла — католическая часовня.

² Месса — церковная служба у католиков.

³ «Аве Мариа» — католическая молитва.

ВЕСЬ КОМСОМЛ СТРОИТ МАГНИТОСТРОЙ

На снимках: строящийся комсомольская доння; молодые ударники, строительство центральной электростанции

СОЛДАТЫ и дезертиры

В. Ядин

Впервые дезертира я увидел на кухне. Он стоял у горячей плиты, забюк ежился, мят в руках шапку и смотрел в землю.

На улице было холодно, и дезертиры не успевали сшить снег. На улице был декабрь 1916 года.

Дезертира звали Иосиф. Он был нашим знакомым. Ему шел 31 год и он не хотел идти на войну. Иосиф пришел к нам и попросил укрыть его от полиции. Его посадили в подвал. Там стояли полупустые бочки с квашеной капустой и солеными огурцами. В ворухе мусора шурились крысы. Пахло плесенью.

Три года в день я шел в подвал с корзиной. Я носил дезертиру еду. Тогда мне было непонятно, чего боится, кого трясит этот большой и крепкий парень, могущий свалить одним ударом меня и трех моих друзей в припадку. Я не понимал. Почему он хочет идти на войну, где так весело и шумно, где солдаты стреляют настоящими ружьями, а генерал на белом коне несется на врага, поднимая вверх блестящую шапку?

Иосиф не отвечал на мои недоуменные вопросы. Он только тихо улыбался и говорил: «Подрастешь—узнаешь». Я поарс и узнал. Я не удивлялся больше трусости Иосифа, не удивлялся радости моего отца, освобожденного от мобилизации. Я уже понимал и одобрял их.

Второго дезертира, которого мне пришлось видеть, звали Костя. Он был юнкер из студентов. Его мобилизовали белые в 1918 году. С первого же дня мобилизации он искал случая ударить, уйти к красным. Но их часть стояла в глубоком тылу. Когда красные войска начали последний нажим на Врангеля, Костя внезапно исчез из части. Его искали. Приходило к нам (он был нашим земляком и вередом захаживал). Близорукый поручик швырял с моего кровати подушки, будто надеясь, что дезертир может быть занят в первую. Уходя, поручик сказал на прощанье: «Ну, смотрите, чортovo семя. Найдем дезертира, тогда с нами поговорим!»

Они не наши дезертиры. Но мы его увидели еще раз. Он вышел в город вместе с страдом зеленых парней.

Это был второй дезертир в моей жизни. Но дезертирство это, как только я узнал о нем, стало для меня желанным и необыкновенным подвигом. Потом было первое мая, первое со дня прихода красных войск. На площади, вздымая к облакам жаркое пламя, горела соломенная туша капитана. У костра на трибуны стояли люди. Облески пламени горели на их кожаных куртках и они казались металлическими досками.

Среди людей на трибуне я узнал Костю. Когда костер догорел, над пеплом вспыхнула речь. Последним говорил Костя.

— Мы еще не кончили борьбы,—сказал он,—нам еще нужно воевать и драться чорт знает как за лучшую жизнь миллионов... Идет небывалый бой... И тому из нас, кто окажется дезертиром в этом бою, пощады не будет...

Я уже не удивлялся, что дезертир Костя с такой исчерпывающей беспощадностью говорит о дезертирах. Это было в мае 1920 г.

В апреле 1931 года в Москве в прославленном помещении комсомольского комитета МББ ж. д. на табурете сидел парень в черном пальто и с беговыми глазами. Рядом с длинным казенным столом, заседали: девушка с жесткими черными волосами и трое парней, из которых самому старшему было около двадцати двух. Поодаль на табурете митяга games старый из собравшихся, мужчина с черными усами, в кепке и высоких, перепачканных испрой сапогах. Дальше на столе, на окурке, покуривая, разместились ребята.

Девушка повернулась и сказала:

— Ну, Хренкин, чего ж ты хочешь все-таки?

Парень на табурете остановил беговые глаза и сказал невнятно:

— Я чего... Я прошу на легкую работу...

У меня справка есть.

— Так. На легкую работу. А ты чего делаешь?

— Монтер.

— Что ж, работа тебе очень тяжела?

— Конечно, тяжела, целый день по этажам.

— Что же ты хочешь?

— Я хочу в деревню... У меня справка

есть.

— Ты погоди со справкой,—вмешался один скомольно работу на три часа, никого не предупреди, а когда тебе стали указывать, ты начал ругаться, кричал «режьте, бейте меня, делайте, что хотите, а я не буду работать».

Парень погунтил забюк в бегоющих аркачках и, опустив голову, пробормотал:

— Я разогорчился... нервный.

Девушка подперла ладонью щеку и, внимательно глядясь в парня, спросила:

— Нервный? А ты общественную нагрузку по янске имеешь?

— Нет еще.

— Ты у нас уже два месяца, почему до сих пор не имеешь?

— Как-то некогда все... у меня справка

есть.

— Послушай, парень,—сказал все время молчаливый мужчина с черными усами.—Послушай, тебя зачем посадили на транспорт, как ты думаешь, укреплять его или разрушать?

— Укреплять,—утрюмо сказал парень.

— Укреплять? А ты что делаешь, работу бросаешь, кричишь—сните вам билет, не хочу работать?

— У меня справка...

— Ты насчет справки брось. Это дело особое. Тебе, значит, тяжело у нас?... Ты ударник?

— Нет.

— Значит, не ударник, и работать тяжело... Может быть, тебе вообще тяжело и не по силам наша темпа, может быть, тебе и комсомольский билет тяжело, а?

Парень, отворачивая лицо, забормотал снова что-то о справке и деревне.

— Вопрос ясен, по-моему,—сказала девушка.—Я думаю, что вопрос о самовольном оставлении Хренкиным работы и вообще о его поведении передали на судя. Пусть хорошо разберется, обсудит и сделает вывод.

Возражений нет? Ты как, папаша?

Мужчина с усами, партапаша, ответил медленно:

— Я послушаю, что еще ребята скажут. Тогда с окна сорвался парень в кепке, совсем еще юный, и неожиданно закричал, наполняя комнату гулом гневных слов:

— Товарищи, я не согласен. Это слишком мягко. Что сделал комсомолец Хренкин? Его послали на узкое место, на транспорт, а он что делает? Он работу бросает, он не ударник, он убегает хочет. Это какой провинциал безбратниного молодца?... Я считаю, что над Хренкиным надо устроить общественный суд. Пусть все знают, что мы не допускаем у себя в комсомоле трусов и дезертиров...

...Комитет перешел к следующему вопросу.

Паровозы несут по путям Союза длинные, громящие составы с хлебом, с нефтью, с машинами, с хлопком, с углем. Паровозы гонят кровь по артериям бурно дышащей страны.

Паровозы устают. Они спинаются. Им периодически и регулярно нужен текущий ремонт. Обточка и промывка. В ряду других напряженных участков узкого места—транспорта—обязательный этот ремонт занимает не последнее место.

Во что бы то ни стало надо сократить срок ремонта, надо уберечь пропускоспособность депо, надо заставить паровоз в ни одной лишней минуты не простоять над канавами.

Московский комитет комсомола обязался к первому мая силами организации выпустить из текущего ремонта сверх нормы сто паровозов.

Бригада комсомольцев-ударников транспорта ремонтирует паровоз

Ударник-комсомолец Станислав Истерский Сибирской ж.д. доб. обещался в нарочите порядке отработать и 1 мая в паровозе. На фото отработавший и 1 мая в паровозе. На снимке один из пяти комсомольских паровозов

зов. Московская Белоорусско-Балтийская дорога взяла на себя десять из них.

Все они стоят под теми же сводами депо, огромные, тихие сейчас машины. Они стоят в ряд, как солдаты на смотрю. Они ждут ремонта. Но нехватает людей. Каждый человек уже имеет свою работу и его нельзя от нее оторвать. Иначе — образуется брешь.

На помощь комсомольцам депо пришли заводские ячейки района.

Фронт есть фронт.

Ячейки района решили освободить в завод до 100 комсомольцев и обросить их в депо на ремонт дестьки.

— А как же на заводах? — скажет скептик, шурясь ехидно. — На заводах-то как... Небось, там прорыв образуется... По методу Трешкина кафтан работаете...

Не надо шурить, бланзуруйте глаза, гражданин скептик! У вас они ненамного больше. Вы все равно ничего не увидите.

Вы не увидите, но даже увидите, не поймете.

Оставшись на заводах комсомольцы обязались безвозмездно взять на себя на срок ремонта, двойную нагрузку, т.е. работу ушедших в депо товарищей. Прорыва не будет.

Вы видите — это совсем не Трешкин кафтан.

Это нечто другое, что заставляет реки течь быстрее, что меняет тысячелетние представления и понятия, что помогает нашей стране равняться на сто лет вперед, и чего вам как раз, гражданин скептик, нехватает.

Это называется ...к сожалению, в редакции меня просили не злоупотреблять словом энтузиазм.

Утром в депо произошло нечто не совсем обычное.

Люди, едва войдя в ворота, едва ступив на жируно от нефти землю депо, на миг столбенея, потом подбегали к стенам, к забору, к столбам и читали.

На стенах, на заборах, на столбах белая крестенный выпуск. «Толкачи».

Вверху шел обычный знаковый заголовок:

«Толкач» — еженедельная газета, и т. д. Но под древним шрифтом знакомых букв накрепко, как черные гвозди, были вбиты слова.

«Комсомольцы арестовали «С-64». Паровоз под общественным арестом. Началось предварительное следствие.

Люди недолго гляделись назад, в открытые двери паровозного сарая.

Там стоял «С-64», баяста стеклами фонарей, пуская тоненькие струйки пара. Влажные поршни его были приподняты. Паровоз несело фыркал, был готов к отходу. Около него не было ни милиции, ни зеленых фуражек ПТУ. И ни один штык не колдобился у потных стенок будки.

Смазчик из масленки лил масло. Машинист покуривал, облокотясь о раму окна. Все было обычно и покойно.

Однако буквы, слова «Толкач» толкали, выходяли из равновесия, нарушали покой.

«Комсомольцы арестовали «С-64». Дальше заметка сообщала, что комсомольская организация дороги, решив раз навсегда покончить с небрежным отношением к паровозу, с личным ремонтом, выбрала характерный по своим отрицательным качествам паровоз и подвергнет его общественному суду.

В этот день в депо только и было разговоров о происшествии, о бригаде «С-64», которой теперь будет не очень ловко, и о самом паровозе.

Кстати говорили и о своих грехах. Выходило так, что, начав с разговора об аресте и недостатках «С-64», люди незаметно для себя сворачивали на недостатки собственной работы, на недочеты ремонта, на организацию бригад, на сроки и качества, на бандажи, на корбики, на все, что входит в систему эксплуатации и ремонта паровоза.

Люди спорили, горчились, заволнованно бросали на пол цыгарки, с остервенением туша их сапогами.

Разговоры перешли в столовую и отсюда, ловко управляемые инициаторами ареста, разговоры эти обрели плоть и кровь, обратившись в десятки заметок в газету «Толкач».

так или иначе дававших материал предварительному следствию.

Суда еще не было. Он будет на-днях. И мы не знаем приговора.

Мы не знаем даже будет ли перед столом трибунала стоять сам «С-64», смущенно погисив стекла фонарей и опустив локти поршней, или вместо него будет держать ответ паровозная бригада.

Но одно известно уже сейчас.

Комсомольцы Москвы — Белоорусской совершают глубокую разведку в тыл противника. Они ведут себя так, как должны вести себя настоящий командир и красноречее на передовой линии. И уже одно это обеспечивает им победу на одном из участков такого напряженного фронта, к каким являлись и ш транспорт седеия.

Можно было бы дополнить обзор.

Например, можно было бы упомянуть, что комсомольцы Западной дороги в нерабочее время из старого заброшенного манера взорвали новый работоспособный маневровый паровоз, или что павелецкие ребята отремонтировали сверх задания три паровоза, или, наконец, что безудаче, совсем еще мальчишки, фаязиты сами заставили старый негодный паровоз жить и дышать, и гнать хлеб и нефть по дорогам республики.

Но мы кончаем, и пусть скептик, шурящий невдачные свои глаза и радостно улыбающийся при каждой нашей ошибке (ага, я говорил!) поймет наконец.

...Десертиры бьются всюду. Там, где бой, где победа добывается кровью и потом, всегда кто-нибудь сдрейфит, испугается, беславно оглянется по сторонам и мгнется в кусты.

Настоящие солдаты те, которые или лягут, или добудут победу. Они не убегают. Они дерутся и побеждают. Они побеждают.

Так на не раз обгаренных кровью комсомольцев мостовых Веддинга, так и на залитых мазутом и нефтью паровозных депо Советского союза.

ударники, в бой за качество!

Бригада борется за качество и стабильность цепи машинного завода «Серп и Молот»

Четвертая западная

с. любовт

— Вы просите дать вам лаву? Это невозможно. Вы законите лаву, а отдохнуть должны будем мы.

Телорук шахты, коммунист Перцов, был неутомим. Комсомольцы Заводской шахты говорили, что они не желают расквашивать за прошлую свою расквашенность, за вчерашний день ячейки. Сегодняшней работой они сохранили память о вчерашнем дне. Но Перцов спокойной повтори:

— Не желаю рисковать, лаву не получите.

Спор перешел в комнаты партколлектива и завкома. Перцов громогласил горы доводов, а ребята разбирали их строгим образом лавной контроллов.

В общих штабах комсомольцам проголодали вотум доверия. Открывалась возможность полной комсомользации четвертой западной лавы. Вплотную приближалось то, что можно подыть авторитет шахтной ячейки. Или ребята на деле докажут свое умение быть бойцами на производственном фронте, или, если загонят лаву, окончательно утратят и без того невысокий ячейковый авторитет.

— Новую лаву разрабатывают те, кто ее расширяет. Раскасса лавы—трудная и неблагодарная работа. Только умелой раскоской можно завоевать право из разработки лавы.

Ячейковый актив вместе с секретарем ячейки Гуревичем трижды просмотрели списки комсомольцев. Для раскоски лавы отбирались лучшие и крепкие, а из лучших и крепких—самые лучшие и наиболее крепкие.

В комсомольскую бригаду из раскоски четвертой западной лавы вошло восемь человек. За комсомольцем Савельевым шел Козенев, за ним—Юдин, восьмым в списке был Чайка. Он же был бригадиром.

Подтора месина продолжалась расколка. Комсомольцы вырывали лавно забоя, подготавливали шпурсы, молоденький восьмьюгольник с утра и до утра продолжал всю черновую работу, без которой невозможно приступит к разработке лавы.

На сорок пятый день раскоски закончили. Все «углы» шахты треугольника спустились в подемнике. Перцова недоверчиво рассматривали каждую мелочь проделанной работы. Перцов был строгим экзаменатором.

Расколка лавы нельзя не признать короче. Линия забоя отделила мастерах, который и в боевой готовности, люди—во всеоружии. Ребята пытались выдвигаться в бесстрастное лицо Перцова. Ну, как?

— Что-ж, с раскоской справились...

Так сказали «углы» треугольника. Так сказал Перцов.

Сутки—это 24 часа и четыре рабочих смены. Но первое время комсомольцы четвертой западной добывали уголь только в течение первых трех смен. Четвертая смена, как и в тысячах других шахт и лав, предназначалась для ремонта и подготовительных работ. Это был огромный минусом.

Добыча угля в течение четырех смен означает идеальный непрерывный поток, который известен лишь единицам на тысяч шахт. Первое время непрерывный поток в добыче угля был непозволительным для комсомольцев. Ребята знали: прежде чем таскать бревно, нужно очистить дорогу от сучья.

Сучьями в лаве разбросано очень много. Сучьями называются технические неполадки, они атакуют нервы и, главное, цифры вырабки.

К техническим неполадкам в четвертой западной лаве, ставшей комсомольской, прибавилась еще одна, на этот раз человеческая.

Неполадка имела бригадирский чин, носила в кармане партийный билет и в многочисленных документах значилась под фамилией Захаренко. Коммунист Захаренко предлогал не работать, а отдыхать. Лени-матушка мирно ютилась рядом с партийным билетом.

Взамен оппортуниста, бригадиром выдвинули ударника-комсомольца Зинковского. Мелкие технические неполадки были устранены. Только после этих мероприятий комсомольцы четвертой западной поставили на практические рельсы вопрос о введении в лаву непрерывного потока.

Совлаен собрание. Идея непрерывного потока привела на это собрание двенадцать десятков комсомольцев. На задних скамьях расселись старики.

Идея была новой для Заводской шахты. Она стерла границей лет и держала в напряжении не только детей, но и отцов. Трибуна на собрании была грифельная доска, тезисами—острый осколок мела, а докладчиком—инженер-коммунист Ковалев.

На грифельной доске острым осколком мела Ковалев нарисовал график непрерывного потока. Этот график был предельно разработан Ковалевым, Гуревичем и секретарем партийной ячейки шахты, в нем было много неясностей. Теперь график заходил по Фридриху, первоначальная схема обрастала десятком дополнений.

О чем говорил график? Между зарубкой и выемкой угля существуют юности, глубокий разрыв. Выемка угля отстает от зарубки, как человек, передающийся на корстилках и отдающийся на каждом перекрестке, отстает от человека со здоровыми ногами. Разрыв углублялся трехменной работой, в шахте скоплялись сотни тонн угля, а извечный разрыв отражался на выполнении задания. Комсомольский график уничтожал разрыв. График теснейшим образом связывал зарубку угля с выемкой.

График утвердили. Тут же на собрании приняли список комсомольцев, назначивших в лаву, чтобы работать по системе непрерывного потока. В списке было 32 человека: четыре смены по восемь человек в каждой.

Непрерывный поток вошел в четвертую западную и стал хозяином лавы.

Работа по-новому, иная организация труда, правильный подбор и расстановка людей в лаве, распределение комсомольцев по механизмам—все это сказало. Цифры свидетельствовали о победе бригады. На огромную высоту поднимал на шахте авторитет комсомольской ячейки.

Комсомольцы четвертой западной рассказали всему комсомольскому Домбасу о своем опыте, чтобы систему непрерывного потока сделать близкой и понятной любой шахтной ячейке. Вот их письмо:

Вызвем ячейки использовать наш опыт. Наши достижения—перевыполнение встречного промфинплана.

Коллективный рассказ комсомольцев Заводской шахты.

Четвертая западная лавя второго участка шахты Заводской работала плохо. Добыча ее равнялась пятидесяти-шестьдесяти тоннам в сутки. Зарубная лавная система «Эйкгоф» сделала за январь только 16 циклов. Средняя производительность забойщика равнялась 1,35 тонны, рабочего лавы—1,15 тонны. Себестоимость угля в среднем за месяц января—3 рубля 17 копеек.

Первого февраля парторганизация и хозяйственники Заводской шахты поддержали предложение комсомольского коллектива об объявлении четвертой западной лавы комсомольской. На работу в лаву отправили лучших комсомольцев-ударников.

— Теперь, по окончании месяца, мы можем подытожить работу лавы.

Лавя ежесуточно перевыполняла план. Если за первые дни работы комсомольская лавя давала 47—75 вагонеток угля при суточном задании в 132 вагонетки, то теперь мы добились стопроцентного выполнения встречного плана—166 вагонеток, а 20 февраля перевыполнили и этот план, дав 163 вагонетки. Себестоимость тонны угля уменьшилась до 2 р. 02 коп. Вместе с тем резко увеличилась и производительность труда. Норма выработки забойщика поднялась с 1,35 тонны до 4 тонн. Врубочка делает 1—1½ цикла за сутки.

Как мы добились таких успехов в работе? Причин много: правильный подбор и распределение сил в лаве, расстановка комсомольцев на механизмах (с первого дня комсомольцы работали помощниками машинистами и махишниками на врубочных машинах и сами обслуживали скреперный коловорот), затем—ударная комсомольская работа, настойчивая борьба за устранение технических неполадок и, наконец, применение новой системы ра-

Секретарь комсомольской ячейки Гуревич

Инженер-коммунист Ковалев

боты, которую предложил заведующий механизацией Центральной Заводской шахты, молодой инженер-коммунист А. Н. Ковалев.

В нашей комсомольской лаге выемка угля идет влад за рубежом. Отдельные ремонтные смены нет и ремонтируют одновременно с работай забойщиков (они работают в четыре смены).

Лага разрезается на четыре участка—сверху вниз.

В первую смену (с шести до двенадцати часов) в лаге одновременно происходит такие работы: врубовая машина проходит всю лагу сверху вниз; шесть забойщиков успевают выработать уголь с первого участка; происходит бурение бурок для вентиляционного штрека.

Во вторую смену (с 12 до 18 часов) происходит такие работы: выемка угля с четвертого участка, паят бурки в вентиляционном штреке и убирают породу. С 14 часов проходит буровые штреки.

В третью смену (с 18 до 24 часов) вынимают уголь с третьего участка, паят бурки в четырех буровых штреках и убирают породу. С 20 часов готовят дороги для скрепов.

Во время работы четвертой смены (с 24 до 6 часов) вынимают уголь со второго участка; врубовая начинает работать сверху вниз; продолжает подготовительные работы, исправляют скреперную дорогу; в 6 часов утра приносят ролики и скреперы (за 20 минут).

Такова система инженера Ковалева, которую мы привели, чтобы довести производительность врубовки до 1½ циклов в сутки.

Но мы не остановились на этом достижении. Мы считаем возможным довести работу до 2 циклов в сутки, давать не 160, а 200 вагончиков за 24 часа.

Поэтому инженер Ковалев разрабатывает сейчас новую систему, которую мы будем применять.

Революционизируя технику добычи угля, мы увеличиваем темпы строительства социалистической промышленности, темпы пятилетки.

Шахтный коллектив ВЛКСМ

Такой оказалась система непрерывного потока—система побед.

В Заводской шахте подавляющее большинство молодых шахтеров составляют мобилизованные комсомольцы. Они пришли сюда из колхозов, мастерских, крупных предприятий.

Равные ребята—равный уровень культуры.

Комсомольца Зеленого не замечали. Скромный и тихий—он не молил глаза в клубе и ячейке. Однажды на Заводской шахте нехватало чулки для рабочих. В шахте было сыро и грязно и многие ребята отказались спускаться вниз. Зеленый раздобыл где-то тряпки, обмотал ими ноги (шпурками «элегантных» ботинок послужила проволока) и спустился в шахту. При этом сказал:

— Прогнать все равно не удастся.

Пример Зеленого воздвигнулся ребят. И они тоже размышляли где-то старые тряпки, обвязали ноги проволокой и вслед за Зеленым спустились в шахту. Тогда только узнали скромного парня.

Четвертая западная переродила Зеленого. Деревенский комсомолец, он первый контрактовал себя за шахтой до конца пятилетки и первый обрушился на трусов, заговоривших о демобилизации.

У трусов были свои лидеры. Комсомолец Павлик в упрямом ухе распроставал слушать о том, что пора уходить из шахты, что там, где была мобилизация, с железной необходимостью должна наступить демобилизация. Павлик аргументировал очень «веско»:

— На селе можно и на лече отдохнуть, и с девушками погулять, а на шахте—ни печки, ни девушек.

В защиту Павлика выступил второй «георетик» демобилизации—Демченко, за ним—комсомолец Бредков. А против трусов—весь шахтный коллектив вместе с Зеленым. Девятнадцатилетний Зеленый нашел нужные слова ярости и бешеным градом этих слов обрушился на дезертиров.

Тогда в списке контрактовавшихся за шахтой появились десятки новых фамилий.

...Кто плохо видит, тому нельзя быть в шахте. Подуспеющему комсомольцу Каминскому

предложили перейти работать на поверхность, но он, обидевшись, ответил резким отказом.

Каминский — комсомольский групповод одной из угольных смен. Там, где тяжело и опасно, где особенно неподатлив уголь, где четвертая западная особенно капризна,—там всегда можно найти Каминского.

Никто не учитывал, сколько раз Каминский по 24 часа не выходил из шахты. А таких дней было очень много.

В Ленинские дни шахтеры из четвертой западной—секретарь участка комсомольской ячейки подуспеющий Каминского—передали в партию.

Комсомолец Боровых до организации комсомольской лаги работал ковономом. Боровых уклонился от комсомольской работы и его дальнейшее пребывание в союзе считывалось уже не часовой, а минутной стрелкой.

Когда четвертая западная лага стала комсомольской, Боровых назначили ковономом по обслуживанию лаги.

Незаслуженное доверие, ответственность, вызванная обслуживанием самой боевой лаги в шахте, вудкоричном парня Боровых сам сколотил бригаду ковононов и вместе с бригадой стал неузнаваемым.

Стрелка, отсчитывавшая секунды дальнейшего пребывания Боровых в комсомоле, остановила свой быстрый ход. Бригада Боровых работает очень хорошо, никто в четвертой западной не знает случая, чтобы из-за неподачи ковононами порожника была задержана работа.

Четвертая западная до неузнаваемости переделала Боровых.

Четвертая западная сделала беспартийного Юдина комсомольцем.

Вместе с Зиняковским, Боровых, Остелиным и Каминским ударная лага передала десятки других ребят.

Доббег, Стелано

Шахта заводская

Бригада комсомольцев в котловане у транспортера

подымаем кузнецкий завод

МИХ. ВЕСЕНЬЕВ И И. КИЗЯЧЕНКО

В Колонном зале, на Всесоюзном комсомольском съезде секретарь комсомола Кузнецкострой Павел Комаров заверил делегатов, что сибирский металлургический гигант будет пущен первого октября этого года, а первый в мире фасонно-литейный цех этого гиганта имени деватого слеза ВЛКСМ—на три месяца раньше срока.

Комсомолу Кузнецкострой нужно было выполнить данное обещание.

Завод Уралов-Кузбасского комбината к концу пятилетки должны дать стране столько же металла, сколько вся английская металлургия, т. е. 6 520 тысяч тонн железа, чугуна и стали.

Дни Кузнецкий государственный металлургический завод за первый год своей работы даст 1 200 000 тонн чугуна.

Произцунг хватит, чтобы выпустить рельсы для прокладки пути от Москвы до Владивостока до Перми. Из этого металла можно изготовить 240 тысяч тракторов, которые смогут вооружить тысячи молодых тракторных станций, способных обслужить не менее 10 тысяч колхозов.

Сталинградский тракторный гигант потребовал для своего строительства 6 000 тонн железных конструкций. А годовая продукция Кузнецкого завода сможет снабдить 200 таких тракторных гигантов.

Не только Европа, но и Америка может позавидовать мощности агрегатов Кузнецкого завода. Домашние печи № 3 и 4 по своему объему самые большие в мире.

Самый большой в мире мартеновский цех американского завода «Виртон» уступает мощности нашего мартена. Виртоновский мартен дает 1270 тысяч тонн в год, мартен Кузнецкого завода в 1932 году будет давать 1 450 тысяч тонн.

Для постройки такого завода только в этом году надо вырыть 2 500 000 куб. метров земли. Если на один вагон грузить 10 кубометров, то для вывозки всей земли с Кузнецкострой требуется 3 тысячи составов поездов, по 50 вагонов каждый. Если бы мы попытались вывозить эту землю на повозках лошадыми, очередь повозок заняла бы путь от Кузнецкострой до Ленинграда и от Ленинграда до Кузнецкострой, т. е. 15 тысяч километров. Все эти данные дают приблизительное представление о размахе строительства.

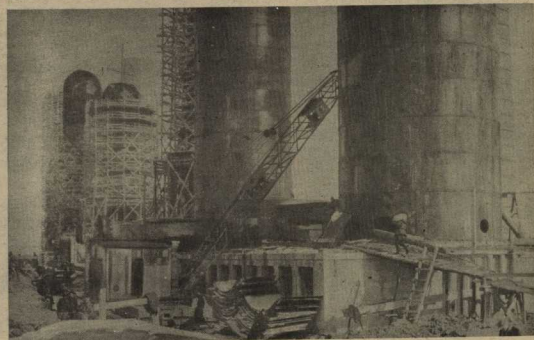
Кузнецкострой—участок классовой борьбы. Нередки случаи, когда на площадке строительства раскулаченные мироеды ножом с-

дят счеты с активистами-передовиками. Здесь ударники котельного цеха сумели разоблачить «волка в овечьей шкуре», меньшевика Цинервадзе, приехавшего с путевой «союзного бюро».

Семь отточенных клиньев впиливаются в мерзлое тело сибирской земли. Семь равномерных ударов—и квадратные обрубки кулаков ползут вглубь. Работает ударная бригада комсомольцев доменного цеха. Самому старшему 21 год, остальным не больше 18. В день рождения бригады—10 марта—их было три, тройка удвоилась, затем шестерка разбухла до десяти, до четырнадцати, а сейчас—до двадцати.

У бригадира Женки Сырова ни одной свободной минуты. В смену копать промерзлые пласты, а после гудка считать кубатуру. Радоваться есть чему. Сегодня комсомольская семерка сбросила со счетов декадного плана строительства фасонно-литейного цеха 41 кубометр мерзлой земли.

Заканчивается монтаж на кулерах доменного цеха

— Вчера на брата вышло по 6 кубометров,—с гордостью докладывал ребятами красношеский весельчак Ванька Иванов.

— Сегодня надо еще сильнее пахать.

И вместо 4 кубометров давали 7.

В ночь на 20 марта, когда палмы рук кололи иглы 35-градусного мороза, а в щели дырявых салопо пробирался ветер, бригада добилась рекордной цифры выработки. Почти 8 кубов мерзлой земли на человека. В два раза больше встречного.

По почам знамя хранилось в цехе первого в мире комсомольского фасонно-литейного цеха, а днем, во время работы, оно развевалось на древке, вкопанном в глыбу свежее вырытой земли.

В феврале знамя было у бригады Кутятевича. Когда повели штурм прорыва, беседы и художники бригады второй комсомольской бригады Шабалин поставил своей задачей овладеть переходным знаменем. Его стратегия была проста.

В бригаде 41 человек. Есть самарские, вятские, есть и сибирские, тушинские. Шабалин решил разбить бригаду на три группы и дать туда вожakov—крепких ребят.

На следующий день после работы собрал две группы и спросил:

— У вас сколько?

— 3,65 кубометра.

— А у вас?

— А у нас вчера было 4,15 на брата.

— Почему?—спрашивал Шабалин.

Выяснилось: ряд причин. Главная из них—похоть транспортер.

Между группами развернулось соревнование. Была установлена ответственность за действия каждого члена бригады. Прогул—преступление, недопустимое для борцов за Красное знамя.

Гусинцы транспортеров работали так же, как до штурма, но взами лопат были четче и быстрее.

— Умная машина,—ласково говорили шабалинцы, следя за бесперебойным ходом лопты.

Темы убавлялись. До штурма бригада Шабалина привала по плану 1,60 кубометров на душу, давали—1,50 кубометров. По мартовскому штурмовому плану шабалинцам было дано задание—3 кубометра на человека. Бригада выдала эту встречу—3,50. Перемы-полнили в марте на 12 процентов.

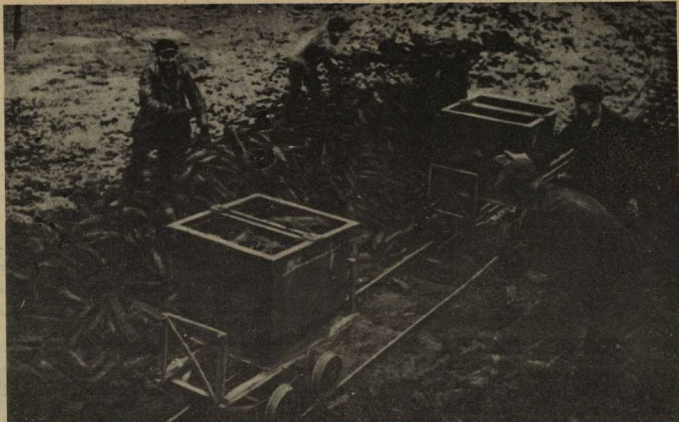
Шабалинская бригада отговасала знамя. Красное знамя врыто в свежую землю у котлована, где работает бригада Шабалина.

Много Шабалинх на Кузнецкострой—на величайшей стройке металлургического гиганта; в некогда каторжной Сибири.

Торф ждет

Б. ПУШКОВ

СЕЙЧАС, КОГДА ВСЯ СТРАНА ОТМЕЧАЕТ ВТОРУЮ ГОДОВИЩНУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ, НЕОБХОДИМО ВОСПОМНИТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ, КОТОРЫЕ СОСРЕВНОВАНИЕ И УДАРНИЧЕСТВО ДАЛИ В ПРОШЛОМ ГОДУ. НИЖЕ МЫ ПЕЧАТАЕМ ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИЖКИ КОМСОМОЛЬЦА-УДАРНИКА Б. ЛУКЬЯНОВА, ВЫХОДЯЩЕЙ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЦСПС. ТОВ. ЛУКЬЯНОВ Б. РАБОЧИЙ ТОРФО-РАЗРАБОТК В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАБОТАЕТ В ЦК СОЮЗА ГОРНЯКОВ, ВЫДВИЖЕНЕЦ.

— Между Павловым-Посадом и Орехово-Зуевым на 20 километров раскинулись торфоразработки им. Кляссона. Тому, кто был на этих торфоразработках 3—4 года назад, сейчас их не узнать. Там, где стояли землянки и ветхие бараки, выросли каменные трехэтажные дома. На торфоразработках—хороший клуб, кооператив, школа, аптека и больница. Раньше ничего этого не было.

Торфоразработки разбиты на 10 участков. Они снабжают торфом местную электростанцию им. инженера Кляссона. Торф—пища станции. Чем добротнее пища, тем лучше работает станция, тем больше она может дать электроэнергии для московских заводов и фабрик. В конечном счете от торфа зависит бесперебойная работа предприятий.

Сезон торфодобычи короток. Он продолжается 3—4 месяца. Но почему, чтобы обеспечить топливом прожорливые точки электростанции и заводов Московской области, примыкающих к торфоразработке, требуется напряженная ударная работа.

В торфяном сезоне 1930 года торфоразработки им. Кляссона должны были дать по плану 505 тысяч тонн торфа, из них 305 000 тонн гидроторфа и 200 000 тонн машинно-фермического. На торфоразработках должно было работать 8 000 торфяников и торфяниц. Но треугольник торфоразработок не подготовился к сезону. Мало того. Он не наладил по-настоящему работы, не проявил больше-вострой энергии и настойчивости.

И хозяйственники и профорганизации хорошо знали, что на торфоразработку придут 2—3 тысячи новичков, никогда не работавших на торфу, что среди части сезонников возможны нездоровые настроения. Но никто не хотел заниматься этими вопросами.

— Ничего! Привыкнуты!—говорили в торфюке. Сucceeded сезонники. Стали размещать их по участкам, а на участках жилие бараки не готовы, вместо косяк—убойные козлы. Там, где были койки, не везде имелись матрацы. Общественное питание было поставлено из рук вон плохо. Торфяники отказывались обедать в общественных столовых, требовали, чтобы им выдавали продовольствие натурой.

— Зачем мы сюда приехали?—недовольные неурядицами говорили торфяники.

Этой нераспорядительностью и неподготовленностью воспользовались врачи и кулацкие элементы. Они повели наступление за срыв работ.

Рабочие торфоразработок приступали к работе, что называется, вслепую. Профицпланом до торфяника доведен не был.

— Что такое профицплан? Убей меня, не знаю!

О соревновании и ударничестве торфяники не имели понятия. Между тем, по отчетным данным, соревнование было охвачено... 2 000 человек из 8 000. Конечно, все это только было на бумаге, в договорах.

На болоте работа шла из рук вон плохо. Артели не выполняли суточной добычи. Транспортеры по нескольку часов простаивали. Окколо машины на болоте не было технического персонала. Положение на торфоразработках с каждым днем ухудшалось.

26 мая на участке «Соново-Пораново» в рабочее время артель Грушина начала минитговать:

— Что дальше делать? Работать или уезжать?—говорил старшой артели, Грушина.—Если дальше так будет продолжаться, то на хаёе не заработаем. Решайте!

— Ну, а ты как?—спросил Грушина у торфяника Савина.

— Я что? Я как и все, куда нитка, туда и иголка.

Уезжать все же не решился.

— Но с каждым днем работа шла хуже и хуже. Механизмы по-прежнему простаивали по нескольку часов, недовольство торфяников росло.

Сводка добычи торфа на 30 мая сигнализировала прорыв. Участок «Соново-Пораново» имел задание выработать 6 307 тысяч кирпичей, а добыл 3 693 тысяч кирпичей. Участок «Большая Ордуновка» выработал 1 542 тысячи кирпичей, выполнил 75 процентов плана. Участок «Ново-Озерный» выполнил 63 процента задания. На остальных участках было не лучше.

Где и в чем надо искать причины прорыва? Основная причина заключалась в том, что механизированные транспортеры вводились на торфоразработках в прошлом году впервые.

Пензенские и рязанские сезонники, все годы работавшие на торфу, впервые видели транспортер.

Транспортеры—это механизированный конвейер, который готовый торф тинет на полн сушилки на досках. Раньше от машины возили на поля сушилки в вагончиках, руками 5—6 человек. Это очень тяжелый труд. Транспортер намного облегчил труд торфяника.

И вот впервые введенный на торфоразработках транспортер в глаза торфяника был дискредитирован. Дискредитирован только потому, что торфяники с механизмами обращаться не могли. Им нужна была техническая помощь, а этой помощи не было. Они не знали, как с ним обращаться, да к тому же транспортеры собирались на сетлах и кое-как. Понятно торфяники требовали применения старых методов работы. Они говорили:

— Мы хотим по-старому, руками на вагончиках возить торф на место сушилки.

Техник и торфмейстеры очень редко выезжали на болото, чаще отсиживались в канцеляриях. Если к этому прибавить недостаточную квалификацию мотористов, рязанские настроения, плохую массовую работу, а также вылазки классового врага, которых парторганизация долгое время не замечала, то станет ясным, почему всего 37 тысяч кирпичей машина давала 6—7 тысяч, почему ни одна артель не выполняла половины своей нормы.

Пробравшиеся на торфоразработку пензенские и рязанские раскулаченные кулаки и подкулачки решили, видимо, мстить советской власти. Они повели наступление в открытую.

На участке «Красный уголь» 28 мая было собрание торфяников. Говорили о ходе работ. Спорили много и долго, почему не выполняются нормы. На середине собрания вышел разг Романович, никого не спрашивая взял слово и начал:

— Тут долго спорить не приходится... Норма не выполняется и выполняться не будет до тех пор, пока не снизят норму и не доведут расценок. Если это не будет сделано, через три дня уедем.

Рыча поддерживает группа кулацких подельев. Собрание продолжит в дале.

Не одно такое собрание было сорвано кулаками и их агентами. Классовый враг прибегал к разным способам борьбы. На торфоразработках распространились самые нечестные слухи.

30 мая на участке «Соново-Порядино» местные работники были свидетелями необычайной картины. В бараках шест пир торф. Приезжие из Рыбинска и Пензы с жалостью уничтожили: Ярижили, жрали, пили. Никто не мог выйти в чм. дол. Вскоре выяснилось. По участку классовый враг пустяк слух, будто объявлена война.

Вечером на участке было настоящее пиршество. Торфяники с гармошкой, с песнями ходили по участку.

А что в это время делали местные организации? Ничего. Они сделали ничего не сделали, прибегали в роли равнодушных наблюдателей. Не встречая отпора со стороны общественных организаций, кулаки и рвачи распоясались. Подкулачник Шипшакову удалось сдвинуть пять артелей, которые бросили работу в разгаре сезона и уехали.

Партийный комитет торфоразработок созвал совещание по политобслуживанию с большим опозданием. Совещание проходило в поселке ГЭС, расположенном далеко от участков. Ни одного сезонника на совещании не было.

В плане обслуживания торфяников не было ни одного пункта о производстве, ничего не говорилось о борьбе с простоями, прогулами, вредительством. А все это—и прогулы, и простои, и вредительство—имело место на торфоразработках.

5 июня около центрального участка на рельсы были навешаны шпалы с вредительской щелью; пустить под откос товарный поезд с торфом. Десятник Матюшин безакзально приписывал лишние тысячи кирпичей. Счетовод конторы систематически задерживал выпуск ордеров на продовольствие торфяников, чтобы сорвать, как он сам потом заявил, общественное питание.

В самый разгар сезона, когда профорганизации обязаны были мобилизовать массу торфяников на выполнение плана, председатель центрального торфкома Киселев и секретари Чеподанов подают заявление об освобождении их от работы. Дезертиры бегут в самые ответственные дни на торфоразработках.

Первый удар по оппортунистическому руководству, по неподладкам на торфоразработках нанесла вышедшая редакция «Рабочей газеты» на торфю.

Она вскрывала все безобразия и потребовала снять руководство торфоразработок. Через несколько дней в местной митингера была напечатано решение парткома по докладу о ходе сезона. Партийный комитет отвечал, что к торфезаводу, исключительно по своим трудностям, ни профсоюз, ни парткомитет, ни хозяйственные отделы не подготовились. Пасеуту парткома постановил снять с работы секретаря парткома агитатора, председателя и секретаря торфкома. Торфком был распушен и для проведения выборов нового торфкома созвано оргбюро.

Директору торфоразработок Промтову за несвоевременное принятие мер к устранению технических неполадок на машинах было поставлено на вид. Зам. директора за оппортунистическое руководство с работы снят.

К снятию оппортунистического руководства лучшие рабочие отнеслись серьезно и по-деловому.

На участке «Большая Оропуево» было созвано собрание. На повестке дня стоял вопрос: почему снято руководство торфоразработок?

Слово взял торфяник Шапкин: По-моему, очень правильно сделали, что сняли старых хозяйственников и торфком. Они прятались от рабочих, шли вместе с рвачами, были на поводу у кулаков. Вначале сезона, когда мы сюда приехали, нам говорили: промфинплан. А что такое промфинплан, никто объяснить не мог.

На участке были брошены партийные и комсомольские силы, чтобы разбить рабочим значение выполнения промфинплана для всего социалистического строительства.

Торфком организовал проверку соцсоревнования. В эту проверку были втянуты торфяники от каждой артели. Старые договоры по соцсоревнованию изгнаны. Были заключены новые договоры, в которых новым и помятым языком излагалось для чего проводится соревнование и что оно может дать.

На призы парткома и торфкома выявить и помочь изгнать чуждый элемент с торфоразработок передовики-торфяники живо откликнулись. Торфком организовал показательный суд над двумя кулаками, агитировавшими за срыв сезона. Приговор по этому делу вынесли сами торфяники.

Они постановили: исключить из союза, выслать с торфоразработок и сообщить в деревню сельсовету. После этого были случаи, когда артель сама исключала из своих рядов кулаков и подкулачников. Кулаки и подкулачники были высланы из бараков и сняты со снабжения.

Новое руководство верно определило слабые и важные участки работы, оно мобилизовало торфяников вокруг производственных задач. Центральный торфком организовал на торфоразработках штаб борьбы с потерями, в который вошли торфяники.

Оппортунисты были сняты, но долг торфоразработок штаб возрос.

Невыполнение плана поставило под угрозу работу электростанции. Со всех концов Московской области неслись тревожные телеграммы. Надо было довести план до каждого рабочего и работницы. Надо было добиться того, чтобы каждый торфяник, каждая артель

знала, сколько в смену она должна дать торфа и сколько надо дать сверх плана, чтобы покрыть позорную задолженность.

Уже через неделю каждая артель знала, сколько она должна дать стране торфа в завтра и через месяц. Работа пошла по-иному.

Артель «Красного угла» по почину старшего артели Бочкарева постановила перевыполнить план с тем, чтобы покрыть долг.

— Как ребята, превымся ли не превымся?

— Да ежели подождаст, то, конечно, превымся,—поддержали Бочкарева торфяники.

— Значит, так и алшим. Даем сверх плана 20 проц. на покрытие позорного долга,—крикнул Бочкарев.

— Дашь!—ответила все артель.

Кто-то выкрикнул:

— Вызвать на соцсоревнование артель Растрингина.

— Правильно,—дашь Растрингина!

Так вышло, что зародилось настоящее большинство соцсоревнования на участке «Красный Угол».

На следующий день в местной газете первые ударники артели читали о себе:

«Мы, нижеподписавшиеся, артель Бочкарева, в ответ на позорную работу торфоразработок обязуемся превысить свой промфинплан на 20 проц. Обязуемся в ответ оппортунистам не делать ни одного прогула. Обязуемся церковные праздники днями ударной работы. Вызываем последовать нашему примеру артель Растрингина».

Артель Бочкарева свои обязательства выполнила. На следующий день она дала 118 проц. суточного задания.

Почуив вызов, торфяники из артели Растрингина разгорались:

Бочкарев 120 проц. даст, а почему же мы не можем? Дашь собрание!

Вечером на собрании в бараке слово взял старый торфяник Филин:

— Мы можем дать больше, только нужно работать посознательнее. А перед артелью Бочкарева в грязь лицом не ударим. Если ему отпустили, что вывоз привезим и даем не 120, 130 процентов.

Верно!—дружно подтвердили все торфяники.

Только один Вахлякин был против.

Он несколько мамил насчет недостатка харчей, но получил организационный отпор со стороны всей артели.

Выступление Вахлякина артель осудила. Артель Растрингина вступила в соревнование и не на словах, а на деле показала, как надо работать большевистскими темпами. Отсюда с «Красного угла» соревнование развилось широкой волной на все участки торфоразработок.

20 августа подводили итоги работы.

План второго сезона был выполнен на 143 проц. Общий промфинплан торфоразработок выполнен на 98,2 проц. Ни одна торфоразработка не дала такой цифры в 1930 г.

Так отделили торфяники на вылазки классового врага, кулаков, рвачам и оппортунистам, старшим сорвать ход сезона.

Перед отъездом торфяников домой общественные организации провели большую работу по коллективизации деревни.

Торфяники обещали по приезде в деревню положить все силы для организации колхозов. Это было выполнено многими торфяниками, которые держали такую связь с местными организациями.

23 августа состоялись проводы торфяников.

Яркий солнечный день. На перроне вокзала торфяницы в цветных юбках. Торфяники—с тяжелыми сумками. Победителей торфяников болот пришли проводить представители общественных организаций, рабочие электростанции, их жены.

Цветут знамена, выносятся красочные плакаты. Но вот раздался в толпе голос:

— Большевики едут! Все повернули головы направо. Оттуда шел поезд, убранный плакатами и цветами. Впереди паровоза на красной материи лежот слова:

«Мы, торфяники, уезжая в деревню, будем с таким же ударным трудом, как и на болоте, коллективизировать нашу деревню».

На паровозе были краснопутцы. Это их называют большевиками, потому что это они зажгли первый большевистский огонь социалистического соревнования. Это они были организаторами мундштучных форм-труда. Оркестр играл адептов краснопутцам.

В торжественной обстановке променяются лучшие ударники. Им выдаются премии, грамоты...

Но вот посадка закончена. Паровоз, вздохнув во всю грудь, медленно отходит...

В воздухе замелькали фуражки и соломенные шляпы сезонников. Рабочий электростанции Шестаковский грит торфянику Бочкареву:

— Смотри, на будущий сезон тебя ждем колхозником.

— Выполнил—ответил Бочкарев...

...Сейчас торфоразработки готовятся к сезону 1931 г. В этом году задание по добыче увеличено до 720 тысяч тонн торфа (в прошлом году 505 тыс. тонн). В этом сезоне потребуются еще больше рабочих.

Необходимо учесть уроки прошлого сезона. Но медленные темпы, которыми готовятся торфоразработка к новому сезону, заставляют быть тревогу.

Вербовка рабочей силы для этого сезона идет преступно медленно. Основного кадра торфяников пока забвербовано только 40 проц. Торфоразработка к открытию сезона не готова. На участках бараки в беспорядке, столотники. Машины накладывают плохое. Большой недостаток в квалифицированных рабочих. Созвофтор не обеспечивает торфяников спецдедовкой. Местная кооперация очень медленно организует сеть столовых на участках. Надо перестроиться на боевые темпы, добиться передела и быть готовым во всеоружии встретить сезон и выполнить программное задание.

ЛАСТОЧКИ, делающие весну

г. лен

В РОДНОЙ
рабочей бригаде
промышленной фабрики

УДАРНИЦА

Издательство ВЦСПС, один из инициаторов призыва рабочих ударников в литературу, выпустило за последний месяц в свет книжки, написанные комсомольцами-ударниками. С десятком книг ведется и готовится к печати. Это пока все. Сотчи и тысячи молодых рабочих, сотни и тысячи будущих писателей-производственников, сотни тысяч комсомольцев, осуществивших в своей повседневной деятельности поворот союза к хозяйственному фронту, — еще не взяли за перо, еще не сделали печатное слово орудием борьбы за промфинплан, орудием социалистического обмена опытом.

«Свежую завяску» Вишневого или «По следам лучших Пантелеевой» нельзя рассматривать самостоятельно, как очередные произведения, выброшенные на книжный рынок, вне учета условий их появления и их целестремленности. Они — начало массового литературного движения комсомола, и в этом основное их значение.

Между этими книжками много общего. «Союжеты» их почти совпадают: прорыв, ударная работа, молодежь, жаркие бои со стариками, всецелые походы со стороны лодырей, врачей и оппортунистов, ликвидация отставания и перевыполнение программы... Но было бы ошибкой, если бы за внешней схожестью этих книжек мы проглядели существенное различие между ними. Обрисовывается ома и та же по существу среда, один и те же дела и дни комсомольских ячеек на производстве. Но если материал у авторов одинаков, то в умении раскрыть его, в умении находить в нем все связи и опосредствования, в умении обнаруживать существо описываемых процессов — они во многом расходятся.

Книжка В. Родного, рабочего Южской прядильной фабрики, «Комсомольские ударники» — бесхитростный (несмотря на некоторые литературные «украшения») рассказ о молодежной бригаде ватерного отдела, награжденной орденом Ленина.

Автор начинает с 1929 года. На фабрике прорыв, понижение производительности труда, резкое падение труддисциплины, 37% рабочих впадают в замечания, 100 замечаний пало на молодежь. По количественным и качественным показателям фабрика стояла на одиннадцатом месте.

В это глубокое для всей фабрики время, когда казалось, что нет выхода из тупика и прорыва, как светлые лица в первые дни весны, принятии в цеха, к станкам и комплектам новые люди:

- Реконструкция...
- Социалистическое соревнование...
- Ударничество...

Молодежь приняла весенних гостей по-весеннему.

1 марта 1929 года 48 человек, 96 горячих рук, приступили к ударной работе.

Организация бригады вызвала сперва яростное сопротивление старых работников, привыкших к дедовским методам работы. Но в первый же месяц молодежная бригада выработала на 3% больше всего ватерного отдела.

Тогда комсомольцы-ударники составили митинг, «митинг дружбы» с работниками. Разговор о том, что «я бы соревнования проиграла», на митинге было достаточно. Но вызов молодежной бригады был работниками принят.

Шаг за шагом следит В. Родной за ростом бригады. Порой он ограничивается при этом простым, иногда даже почти протокольным перечнем фактов и цифр. Порой он приводит речь ударника о достижениях бригады, не показывая, однако, того сложного и трудного пути, который эти бригадинки прошли. Это, разумеется, недостатки, о которых автору необходимо открыто сказать. Но из-за этих недостатков не следует забывать о положительном значении книжки В. Родного, правдиво и просто описавшего героическую борьбу комсомольцев-ударников Южской фабрики.

Вторая книжка, выпущенная издательством ВЦСПС, — «Свежая завяска», написанная рабочим Красновской обухной фабрики «Спар-

так, комсомольцем Б. Вишневым. Вишневецкий в построении своей вещи почти в точности повторяет В. Родного. В первых главах «Молодая завяска» старое тесно поднимает, а тесно-то не дается; затем — переломный момент: неправильный подвиг бугагтерией результатов работы ударников и разоблачение «сфртых шуток» оппортунистов и бюрократов; и, наконец, победа спартаковцев, ликвидация прорыва. Но книжка Вишневецкого целостнее, компактнее; автор лучше, глубже вскрывает внутреннюю связь между различными формами коммунистического труда.

Прошла неделя упорной борьбы на трудовом фронте... Подолжна цеха соревнованием добилась перевыполнения норм.

Но тут затормозили заклепщики. Ребята никак не могли справиться с выработкой, а из-за них начался простой последующих процессов: накладки подолжна, винтовка! Бригада затряска, а долго думая, взяла околоточников на буксир. Околоточники, не понимая сущности бусира, ругались на чем свет стоит:

— Что вы за нами ухаживаете? Младенцы мы, что ли? Дело дошло чуть не до рукопашной... Затяжники дождались, что обиды здесь не должно быть, что они по-настоящему хотят помочь ликвидировать узкое место в цехе. Когда же они, окончив свою работу, стали приходить в околоточное отделение помогать ребятам на деле, околоточники поняли и оценили отважную работу товарищей. Появля, подтянулись и вскоре сами взяли на буксир другие отстающие группы рабочих!

Наиболее интересна в литературном отношении книжка — «По следам лучших» — принадлежит перу девятнадцатилетней комсомолки Д. Пантелеевой, токаря завода «Красный пролетарий».

Пантелеева тщательно изучает тон человеческого материала, с которым заводу приходится иметь дело.

Она прекрасный производственник, о нем и в газетах пишут.

Но в то же время Колдод далеко от общественной, хочет «что дома уют был от жень», отдаст весь свой досуг маме.

«Искусство, братцы, ревнивее жены. Оно требует, чтоб ему всецело отдавались».

Вот мастер Бровкин: Около 30 лет работает здесь старик. Еще и теперь от него веет старинной. Любит прикрикнуть, поругать, да так здорово, что деваться некуда. Но знает дело, умный. Зато никогда не подывает, как Сереза или Алеша, помочь показывать, как работать. Эти — свои мастера — молодяки. Их как-то по фамилии трудно назвать.

Вот паяница Петро, упрямо твердящий: — Да чего яри цифреть нам? Мы, небось, сами знаем, против силы не попереть. А то спонят отсюда всех в крематорий.

Пантелеева не забывает никого: ни инженера, у которого «тепловобоязи», ни уборщицу Людию.

Это помогает ей борьбе ударников за промфинплан показывать во всей ее сложности и конкретности.

Сущность ударничества не в голом мускульном нажиме, а в том, чтобы «во всякой работе» оказать свою помощь, проявить свою инициативу своей силой.

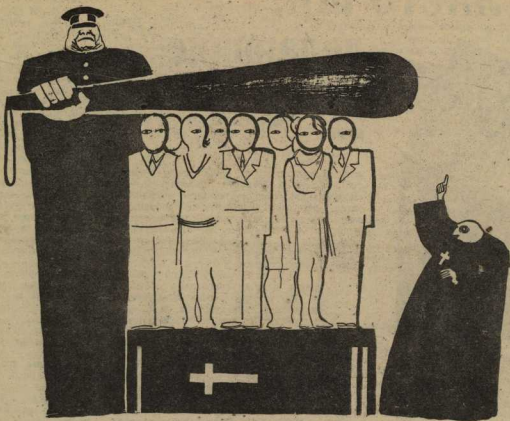
Для того, чтобы удовлетворить требования, предъявляемые к инструментальной, требуется целый ряд мероприятий, нужно перестроить всю систему заводской жизни.

Кажется, нет ни одного вопроса, касавшегося сегодняшнего дня производств, который не нашел бы осуждения у Пантелеевой, ведущей нас «по следам лучших». Здесь и подготовка новых кадров, и привлечение рабочих к определенным станкам, и равнение при нормировке на производительность труда ударника (последнее — мелочью).

Всиче мы писали о том, что в литературном отношении книжка Пантелеевой представляет наибольший интерес. Мы имеем здесь в виду не сравнение, метафоры и т. п. словесные побрякушки (по этой части у неопытного автора иногда не все благополучно). Мы говорим о другом — об умении Пантелеевой выбирать наиболее типичные, общие для ряда предприятий явления и давать их в конкретный, образный, формы.

«Одна ласточка весны не делает» — гласит народная мудрость. Неверно! Мудрость эта явно устарела. Поголовно эта возникла в прежние времена, когда не знали еще о наших темпах. У нас весна приходит вслед за первыми же ласточками.

Вслед за Вишневым, Родным, Пантелеевой десятки, сотни, тысячи молодых рабочих-ударников поделятся опытом своей борьбы; покажут всему рабочему классу образцы коммунистического отношения молодежи к труду; докажут, что комсомольцы с гордостью носят почетное звание «молодых хозяев страны».

В школах „страны звездного флага“

лео мур

обработка болванки

В школах Соединенных Штатов изнерно обрабатывается основная болванка «честного перед богом стопроцентного американца». В дальнейших «стадиях производства», при помощи прессы, церкви, радио, кино и т. п. «болванка» обтесывается, шабруется, шлифуется, — доводится до окончательной степени патристического глянца и «аллюдиной» лакировки.

Образование в Америке резко дифференцировано: отдельные школы для рабочих, отдельные школы для буржуазии.

«Отпрыски благородного рода» просвещаются в дорогом столичном частном «храме науки». Дети рабочих принуждены довольствоваться начатками грамоты в бесплатных государственных школах «первой ступени». Для «нижних рас» существуют специальные школы — «тех же щей пожизне вaley».

На получение полного курса образования нужно не меньше 17—18 лет. Это чересчур много для жителей «страны обшей спешки». Рескошь столь длительного образования могут себе позволить только дети обеспеченных родителей. «Всех прочих» утренние будильники гонят из «работы, начиная с самого раннего возраста. Одолели четыре «привила арифметики, и хвалят».

Школа Америки разделяется на начальные (7—8 лет учения), высшие (3—4 года), колледжи (3—4 года) и университеты (3—4 года). Точной «спецификации» школ нет. Некоторые колледжи дают высшее образование. Большинство колледжей — выше-среднее; больше, чем европейская гимназия, меньше, чем европейские университеты. Разницы в «общей установке» между частными и государственными учебными заведениями нет никакой.

область создает устойчивость

Рецепт идеологического «фарша», которым американская школа начиняет мозги учащихся, весьма несложен:

— практицизм — патристизм — религия.

Американские школы заслуженно славятся своим «практическим уклоном». Все то, что

ажура для жизни, преподается самими эффективными методами. Полная увязка с бытом и с производством.

Школа вооружает американскую молодежь техническими знаниями, создает хороших инженеров и техников узкой специальности. Одним «техникумом» школа не ограничивается. После «машины практического «фарша» в головах молодежи еще остается пустое место. Школа заполняет эту пустоту плотно утрамбованным тажеговесным балластом средневековой «схоластики». Точные технические знания дополняются ничемным идеалистическим вздором. По мнению руководителей американской школы, мертвый груз «окаменевших «идеологических древностей» придает устойчивость юным американским гражданам, высушиваемым в плавильне по «книжному мору», устранив качания и колебания. Ни о каких социальных проблемах не нужно думать — все «прояклятые вопросы» уже разрешены библией — можно без помехи «заняться» своим собственным делом.

«...Уж коли зло пресечь:

Забрать все книги бы да сжечь».

Образование, не имеющее непосредственного практического применения, образование, служащее только для расширения кругозора, — американская буржуазия совершенно не ценит. Наоборот — презирает.

Многоуважаемый «проф» (американское жаргонное сокращение от слова профессор), преподающий дисциплины, не имеющие практического применения, — является предметом язвительных насмешек. Всех поднявшихся хотя бы на одну ступень выше стандартного умственного уровня американские «бэббиты» пренебрежительно называют «хайброу» («высококолымаги»):

— Они хотят знать больше господ бога.

«Босс» (хозяйева) с неохотой принимает на службу «колледжменов» (молодежь, окончившую общеобразовательные колледжи).

Нам нужны деловые люди, а не «мешки жеванного вета».

Ко всякому знанию, не входящему в общепотребительный «фарш», «босс» относится с величайшим подозрением:

— А вдруг там таится красная опасность.

„никаких Дарвинов“

Вышедший Америки на мировое помешие знаменитый дайтоский «обезьяний процесс» — не случайность, не исключение. Агтадаваризм — широко распространенное в Соединенных Штатах «стечение общественной мысли». За время с 1921 по 1929 год в законодательные учреждения разных штатов Америки было внесено сорок антивозрастных билей. Часть из них застряла в комитетях, часть получила законную силу. В некоторых штатах преподавание в школах теории эволюции официально запрещено. В остальных штатах эта теория находится под запретом «общественного мнения».

В Пуритане всех мастей, забыв взаимные склоки и конкуренцию перед лицом общего врага, неистово воют на всю Америку:

«Дарвинизм — главная опасность, грозящая Соединенным Штатам. Если человек произойдет от обезьяны, значит он может свободно красть, грабить и убивать. Профессора, преподающие богопротивную теорию эволюции, гораздо опаснее, чем бандиты и самогонщики».

«Дарвинизм разрушает основы морали. Эта теория возникла в аду. Ее придумал дьявол для того, чтобы погубить человечество».

«Лучшее доказательство существования бога — это то, что $\frac{1}{2}$ солнца регулярно поднимается на востоке, а не каждый день на новом месте. Пусть поклонники вонючей теории Дарвина попробуют опровергнуть этот аргумент (!)».

Учителей, преподающих дарвинизм, «выгоняют из города, вываляв их в смолу и перьях. Пуритане «назначают на издательств учебников: «никаких Дарвинов».

Некоторые «очаянная жизни» издатели, «гер-ронические прреволюционеры», все-таки осмеливаются печатать крамольные книги о дарвинизме. Правда, эти книги написаны заповедным языком — вместо благоприятного слова эволюция употребляется слово «развитие», фамилия Дарвина совсем не упоминается. Большинство издателей охотно идет навстречу пуританам. Некоторые из издателей печатают два сорта учебников: «с Дарвином» и «без Дарвина».

выработка «социальных рефлексов»

Каждый день над всеми учебными заведениями Соединенных Штатов торжественно извещается «звездный флаг». В плохую погоду церемония поднятия флага происходит внутри помещения. Развернутые военным строем студенты под звуки барабанов и труб салютуют флагу поднятием руки и дают торжественную клятву бороться с внешними и внутренними врагами Соединенных Штатов. Безумец, отказавшийся это сделать, подвергается немедленному ostrакцизму.

Патристизм и «закон божий» не включены в официальные программы американских школ как отдельные предметы. Этими дисципли-

...единственная область, где техника продолжает процветать

нами» насквозь пропитано все учение—они вездесущи и всеобъемлющи.

Основная задача американской школы— дать молодежи «высокие демократические идеалы стопроцентного американизма», выработать надежные «социальные рефлексы», привить «общественные привычки».

Важно не только то, чему учат, но и то, чему не учат. Американская школа выбрасывает из своей программы «все мировую историю, политэкономия, «дарвинизм», искусство, европейскую литературу».

Зато молодежь знает наизуток конституцию Соединенных Штатов, отечественную историю в соответствующей обработке, «гражданские обязанности во время мира и войны», имена «славных предков»—основателей республики, а также: сколько лет живет слон и попутай, из чего делается гуттаперча, и прочие энциклопедические сведения из отрывных календарей. Плюс к этому молодежь получает бытовые, технические и спортивные навыки:

как сморкаться, как самому сделать радиоприемник, как играть в футбол.

репетиции повседневной роли

Американская школа крепко «монтирована» в быт, дает не только образование, но и воспитание. Один из основных предметов обучения—стандартный распорядок дня: точные, неукоснительные правила поведения на каждый из всех двадцати четырех часов, имеющихся в сутках.

«Жизнь состоит из мелочей». Ни одна бытовая мелочь не остается школой без внимания.

Школьники учат правильному даханию, правильной ходьбе, как «со вкусом» расставлять мебель, как нужно разговаривать со старшими, дешево и прилично одеваться, употреблять разные ножи и вилки, о чем говорить в обществе, как принимать гостей, следить за состоянием желудка, содержать одежду и обувь в порядке, принимать меры против потения ног и т. д.

При школах имеются опытно-показательные квартиры: кухня, столовая, спальня, гостиная. В каждой из этих комнат молодежь обоего пола наглядно обучают всему тому, что может в них происходить. Молодежь выводит на экскурсию, знакомит с жизнью города, с разными производствами.

«Маленькие граждане великой страны» с ранних лет привыкают к стандартному жизненному обиходу Америки, тщательно репетируют бытовую пьеску, которую им придется повторять всю жизнь—изо дня в день...

Американская школа служит для буржуазии первым звеном того идеологического конвейера, по которому «агитпроп» капиталистического строя двигает мысли и представления граждан Соединенных Штатов.

С каждым днем ход идеологического конвейера американской буржуазии делается все более расхлябанным. Всем становится ясным, что этот «конвейер» ведет Америку к тушке, из которого есть только один выход...

ГОЛОДНЫЙ

ПОХОД

рис. В. Гроппера

„КОЛОННЕ— ЛИНКС“

Р. Пересветов

ребята из „Колонне-Линкс“

Приехавшая на-днях в СССР по приглашению МЕКРАВТОМА «Колонне-Линкс», является одной из самых популярных в Германии пролетарских трупп. Она возникла из крупнейшего германского рабочего спортивного союза «Фихте» и состоит исключительно из рабочих, потерявших связь с производством вследствие безработицы.

При создании труппы в ней было только четыре члена комартии, сейчас—семь. Плюс три комсомольца.

«Колонне-Линкс» уже целый год разыскивает на своем грузовике по рабочим районам Германии, агитируя за вступление в Мекравтом, за асоцуги комартии и красных профсоюзов. Во время прошлыхгодних забастовок горняков в Мансфельде, металлостов Берлина и горняков в Рурской области «Колонне-Линкс» провела большую кампанию по сбору средств в пользу бестующих. Каким огромным успехом пользовалась ее выступления, видно хотя бы из того, что за один только 1933 г. эта маленькая труппа, состоящая всего из 10 человек, завербовала в Мекравтом 16 000 новых членов и 1 500 в комсомол и в комартию.

Лучшим подтверждением действительности разглагользываемых «Колонне-Линкс» сатирических сценок служат тот факт, что на всех ее выступлениях неизменно присутствуют опасные страды ювльнейших. Стоит только кому-нибудь из актеров переступить грань «дозволенного», как некто в штатском подает знак и вооруженные до зубов «шпун» немедленно пускают ход прислады своих шаравров, спектакль прекращается, и всю труппу волокут в полицейский участок.

Актерам «Колонне-Линкс» строго запрещено брать в руки даже бутафорские ружья, так как это может быть истолковано как призыв к восставию.

Большим успехом среди рабочих пользуется сценка, в которой изображено, как совершенно озверевший лейтенант учит своих полицейских расправляться с арестованными и разгонять демонстрантов. По приказу ослепленные «шпун» бросаются на демонстрантов и в пылу усердия теряют свои каски и ломают резные дубины о спины бестующих, за что лейтенант подвергает их жестокому выспаннию.

Чтобы спасти честь полицейского мундира, лейтенант сам бросается усмирять бестующих, но в конце концов возвращается с «ноя битвы» еще более потрешанным, чем его подчиненные. Благодаря такому финалу эта сценка пользуется шумным успехом не только у рабочих, но и у самых полицейских, присутствующих на спектакле, и иногда способствует тому, что они не мешают «Колонне-Линкс» закончить представление. Низшие чины полиции становятся все восприимчивее к коммунистической пропаганде, и в не даром на последних выборах 50% полицейских в одной берлинской казармы подали свои голоса... за комартию.

Но особенно сильно достается от «Колонне-Линкс» социал-демократам. Одной из лучших вещей в репертуаре агит-бригады является сатирическая «Опера СПД», посвященная клеветническим измышлениям социал-демократии против комартии и Советского союза. Шесть видных реформистских лидеров и заправил Второго интернационала—Велс, Ваттманн, Рейнар, Браун, Флейснер и Кюлстлер под задушные званья социал-демократической шарманки трудятся над постройкой «дома лая»—причудливого здания социал-фашистской философии. Они напроломждают один камень на другой, одну клевету на другую.

В ответ на эти клеветнические измышления, которые социал-демократы изо дня в день вбывают в голову 8 1/2 млн. социал-демократических избирателей, «Колонне-Линкс» ливно-ливно свои доводы—доводы революционного пролетариата. В метких, остроумно составленных диалогах она отводит одно за другим вздорные обвинения подголосков капитала; она показывает, откуда можно взять деньги на увеличение пособий по безработице; как можно обложить налогами миллионеров, сократить высокие оклады, получаемые социал-демократическими министрами, и исключить из бюджета расходы на войну и рейксер. Она вымощивает слова Фридриха Энгельса о том, что государство, в том числе и демократическая республика, является машиной для угнетения пролетариата и, приводя примеры из

германской действительности, цитирует германских рабочих пойти по пути к социализму, указанному русским пролетариатом. В ответ на обвинение в расколе рабочего движения коммунистами она показывает прекрасную пантомиму стачки, преданной социал-демократии. И, наконец, на последнее обвинение («коммунисты за войну») она отвечает разоблачением интимных записочек будущей войны, войны против Советского союза.

«Опера СПД» пользовалась громадным успехом не только у германского рабочего зрителя, но и у нас в СССР, во время гастроле «Колонне-Линкс» по клубам московских фабрик и заводов. Янство сюжета и исключительно выразительная игра актеров делали совершенно излишним надобность в переводчике. Зритель невольно чувствует, что ни один профессиональный актер не мог бы с такой предельной экспрессией и интуитивно смуглать роль преследуемого политической безработного (в течение всего действия этот безработный подает реплики, пригласив в зрительном зале), как это делает руководитель труппы т. Гельмут Дамерус, неоднократно испытанный на собственной спине удары полицейских дубинок.

Не меньшим успехом пользуются также исполняемые «Колонне-Линкс» популярнейшие песни рабочих Берлина («Красный Вейдлинг», «Антифашистский мир», «Марш комсомольцев»—Мекравтом и «Песня о Франце Мейере»—старом социал-демократическом рабочем, который разочаровался в политике своей партии и голосовал на выборах за коммунистов и вступил в партию (сейчас эти песни переводятся на русский язык поэтом Кириловым и будут в ближайшее время напечатаны в «Рабочей газете»).

«Колонне-Линкс», приехав в Советский Союз получит возможность еще больше обогатить свой репертуар и собрать новую материал для своей дальнейшей агитации среди германского пролетариата за Советский Союз и победоносную пролетарскую революцию.

„Несмотря на имеющиеся трудности, мы успешно осуществляем пятилетку. Пятилетка осуществляется в более короткие сроки, чем было первоначально намечено. На некоторых хозяйственных участках пятилетка уже осуществлена. Примеры нефтяной промышленности Баку и Грозного, а также электропромышленности пока в лице „Электростроительного завода“ в Москве, „Красной зари“ и „Светланы“ в Ленинграде, свидетельствуют о победоносном выполнении пятилетки. В этих отраслях промышленности мы достигли уровня конца пятилетки не за пять лет, а за два с половиной года, т.-е. всего за половину пятилетнего срока“

В. М. Молотов.

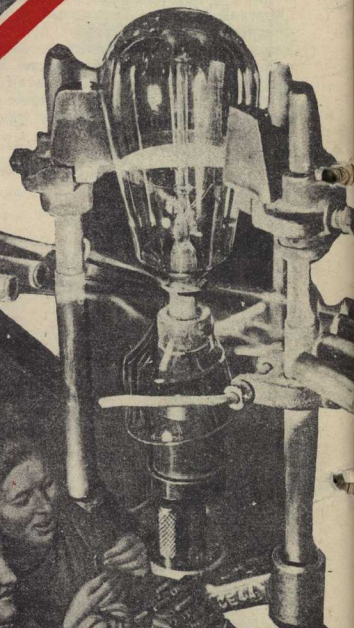
Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза Электростроителей СССР постановил:

За пять месяцев Электростроительного завода имени Ленинского Коммунистического Электростроительного завода орденом Ленина

ЭЛЕКТРОЗАВОД

Электростроительный завод имени Ленинского Коммунистического Электростроительного завода

21 1/2 ГОДА

Фотосъемка: Г. Громова, И. Зинченко, Э. Александрович, И. Голубев, С. Степанович.